

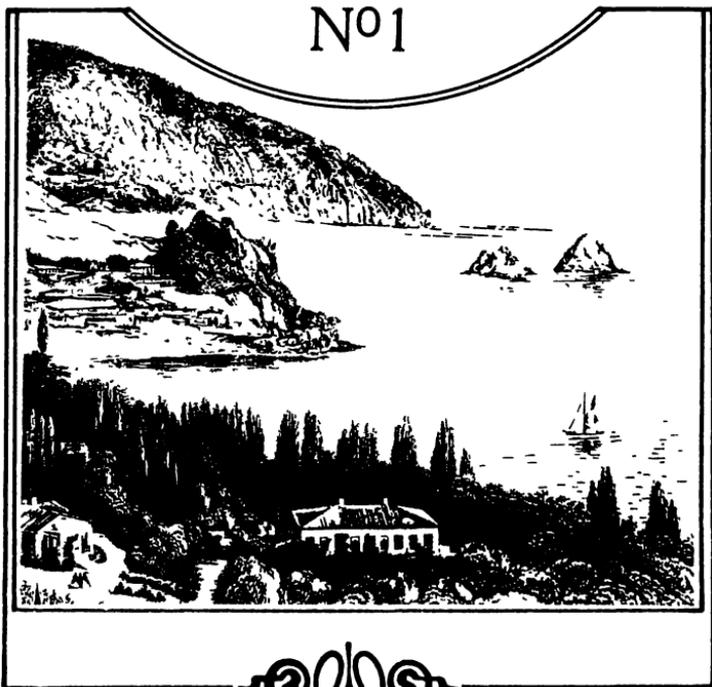
КРЫМСКИЕ

ПЕНАТЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ КРЫМА

№1

КРЫМСКИЕ ПЕНАТЫ

**АЛЬМАНАХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ**

Симферополь 1994

Главный редактор В. С. БАБЕНКО

Редакционная коллегия

Ответственный секретарь Ю. А. ГОЛОДНИКОВА,

Р. М. ГОРЮНОВА

А. А. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

В. П. КАЗАРИН,

заместитель главного редактора

Л. В. КОРЕХИНА

З. Г. ЛЕВИЦКАЯ

Л. Л. СЕРГИЕНКО,

редактор и ответственный за выпуск

В. П. ЦЫГАННИК

Г. А. ШАЛЮГИН

На обложке: **Вид Гурзуфа** (гравюра Ю. Берндта из альбома «Воспоминание о Крыме», Лейпциг, 1869.). На переднем плане — дом Ришелье.

Из личной библиотеки проф. Крымского сельхозинститута Е. П. Шольца.

В. П. Казарин, А. В. Киселев, Е. В. Андрейко

«Морем отправились мы в Юрзуф...»

(КОНЕЦ ОДНОЙ ЗАГАДКИ)

В понедельник 16 августа (28 по н. ст.) 1820 г. к вечеру Раевские и Пушкин из Керчи приезжают в Феодосию. 18 августа морем они отправляются в Гурзуф, куда прибывают утром 19 августа.

На каком корабле был совершен этот второй в жизни Пушкина (после переправы через Керченский пролив) морской переход?

Традиционно в решении этого вопроса исследователи опирались на свидетельство Марии Раевской (в замужестве Волконской), которое учтено в книге П. И. Бартенева «Пушкин в Южной России»: «(...) до Юрзуфа (...) плыли на военном бриге, отданном в распоряжение генерала» (1, стлб. 113). Поиски велись среди бригов, входивших в 1820 г. в состав Черноморского флота. Долгое время господствовало мнение, что этим бригом была «Мингрелия». Эта точка зрения нашла отражение даже в таком авторитетном издании, как академическая «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (2, с. 236).

Особую привлекательность этому предположению придавало то, что командиром брига «Мингрелия» был капитан-лейтенант М. Н. Станюкович, в будущем известный адмирал и отец прославленного писателя-мариниста К. М. Станюковича. Так много славных имен оказывались вдруг связанными воедино...

Во втором издании «Летописи» (1991 г.) былой однозначности уже нет. В комментариях подчеркивается, что на Черном море было не 2, как полагали ранее, а 4 брига — «Мингрелия», «Ахиллес», «Меркурий» и «Ганимед». Решить вопрос в пользу какого-то одного не представляется возможным.

Поэтому во втором издании «Летописи» просто указывается, что переход из Феодосии в Гурзуф был совершен на военном бриге (3, с. 223, 658).

Предпринятые нами разыскания в архивах позволяют наконец, решить эту старую загадку.

В Центральном государственном архиве Крыма выявлены три документа, которые мы впервые в полном виде предлагаем вниманию читателей. Первый документ — это черновик распоряжения, направленного Таврическим гражданским губернатором А. Н. Барановым в Феодосию. Впервые он был найден А. И. Маркевичем, приведшим его в 1911 г. в пересказе (4, с. 25—26). В 1913 г. А. Л. Бертье-Делагард процитировал фрагмент документа, но в очень неисправном виде (5, с. 31). После этого распоряжение А. Н. Баранова выпало из научного оборота. Теперь мы имеем возможность привести этот новонайденный документ в полном виде по подлиннику (6, л. 17):

Г. (осподину) исправляющему должность Феодосийского земского исправника.

По случаю прибытия господина генерала Раевского посылаю сие к Вам нарочным, дабы Вы сами явились к Его Высокопревосходительству; если пожелает следовать прямо на Южный берег, то распорядитесь о безостановочном проезде и заготовлении потребного числа лошадей, для чего и командировать особого от суда чиновника, а буде отправится прежде в Симферополь, равномерно оказать всякое возможное содействие. По болезни Вашей можете поручить выполнение сего благонадежнейшему из заседателей.

№ 2938

августа 17 дня

1820 года

Знакомство с полным текстом документа позволяет уточнить, по крайней мере, два спорных момента. Во-первых, т. к. в распоряжении, датированном 17 августа, пишется «по случаю прибытия», то снимаются всякие сомнения по поводу того, что Раевские и Пушкин прибыли из Керчи в Феодосию именно 16-го. Во-вторых, из текста видно, что А. Н. Баранов не предупрежден заранее о планах Раевского и потому пытается предусмотреть разные маршруты его путешествия. Не предусмотрел губернатор только один вариант — морское плавание, которое не входило в его служебную компетенцию. Следовательно, вопрос о морском переходе из Феодосии в Гурзуф был решен заранее и не через ведомство Таврического гражданского губернатора.

К приведенному документу было приложено «открытое предписание», черновой текст которого набросан писарем на обороте листа с распоряжением. Предписание не было известно до сих пор в научной литературе и публикуется впервые (6, л. 17 об.):

**Открытое предписание
градским и земским полициям.**

Под проезд по Южному берегу Крыма господина генерала от кавалерии и кавалера Николая Николаевича Раевского с будущими при нем давать из обывательских потребное число верховых и вьючных лошадей с проводниками за указанные прогоны без задержания и оказывать со стороны градских и земских полиций всякое должное вспомоществование.

г. Симферополь
Августа дня 1820-го года.
Таврический гражданский губернатор.

Нами обнаружен черновик открытого предписания, в котором не проставлено число. Число, безусловно, было проставлено в беловом экземпляре, отправленном в Феодосию. Видимо, это было то же 17 августа. Но предписание оказалось не востребуемым Раевскими и Пушкиным. Не только потому, что они отправились в дальнейшую дорогу морем, а не сушей, но потому, что предписание просто не было им доставлено, о чем говорит третий из найденных документов (6, л. 23):

23 августа 1820

Его Превосходительству!

Господину действительному статскому советнику. Таврическому гражданскому губернатору и кавалеру Александру Николаевичу Баранову.

Исправляющего должность Феодосийского уезда земского исправника, заседателя Карленкова.

Рапорт.

По прибытии Его Высокопревосходительства господина генерала Раевского в Феодосию я находился в уезде, и потому повеление Вашего Превосходительства от 17-го сего августа за №2938-м, с нарочным мне присланное, доставлено 19-го числа, при чем получил верное сведение, что Его Высокопревосходительство изволил отправиться из Феодосии на брандвахте морем до Севастополя.

О чем Вашему Превосходительству имею честь довести, докладываю, что я от боли, бывшей в моей ноге, получил облегчение, и ныне совершенно здоров. — В должности земского исправника заседатель Карленков

№ 356
августа 20 дня
1820 года
Д. Азамат

Этот документ также был впервые выявлен А. И. Марквичем, который в 1911 г. привел из него фрагмент, правда, с рядом неточностей (4, с. 25) С тех пор он (как и распоряжение А. Н. Баранова) исчез из поля зрения исследователей, и теперь впервые публикуется по подлиннику в полном виде.

Интерес к документу пропал по вполне понятной причине: в нем содержится очевидная неточность. Раевские и Пушкин из Феодосии направились морем не в Севастополь, а в Гурзуф. Одна явная ошибка заставляла не доверять другим све-

дениям, приводимым в рапорте. Брандвахта — это сторожевое судно, охраняющее порт. Разве мог такой знатный путешественник, как Раевский, отправиться в дорогу на каком-то прозаическом сторожевике? Тем более, что есть свидетельство Марии Раевской, что ее отцу предоставили военный бриг!

Работа в архиве Военно-Морского флота в Ленинграде показала, что вопрос о морском переходе из Феодосии в Гурзуф нуждается в коренном переосмыслении. Документально установлено, что бриг «Мингрелия» не мог быть судном, доставившим Раевских и Пушкина в Гурзуф: все лето 1820 г. он крейсеровал у абхазских берегов, выполняя секретное распоряжение адмирала А. С. Грейга (7, лл. 42—43-об). Исключаются также бриги «Меркурий» и «Ганимед»: в составе Черноморской эскадры они в августе находились в учебном плавании (8, лл. 174—186). Что касается брига «Ахиллес», то, по нашим сведениям, в 1820 г. он входил в состав Балтийского флота (9, ч. VIII, с. 473 и др.). Наконец, неверным является утверждение, что бригов было на Черном море в 1820 г. четыре. Их было больше — можно назвать еще бриги «Воин» (9, ч. VIII, с. 485), «Алексей» (9, ч. VIII, с. 439), вероятно, «Лаврентий» (9, ч. VII, с. 32).

Вряд ли 14-летняя девочка-подросток может быть серьезным экспертом в вопросе о типах парусных кораблей. Существует масса причин, по которым в ее памяти могло отложиться именно это слово — «бриг». Это был скоростной тип судов, используемый для дозорной, разведывательной и посыльной службы, крейсерства и конвоирования торговых судов (10, с. 176). Следовательно, популярный тип кораблей, название которых было у всех, что называется, на слуху. У англоманов Раевских могли быть литературные причины называть парусники бригами. Наконец, у Марии Раевской в ее путешествии по Крыму было три морских плавания, а не два: из Гурзуфа мужчины верхами отправятся через Алупку, Георгиевский монастырь и Бахчисарай в Симферополь, а женщины поплыли до Севастополя на корабле. Может быть, на этот раз их принял на борт именно бриг?

Нет сомнения, что 35-летний титулярный советник Василий Никитович Карленков, личность которого помогли установить «Формулярные списки», хранящиеся в ЦГА Крыма (11, лл. 342-об. — 343), докладывал своему начальству «верное сведение». Более пристальное изучение вопроса выявило, что брандвахты выполняли разнообразные функции: они не только охраняли порты, находясь на рейде, но по мере надобности, выполняя приказы местного начальства, которому они

временно переподчинялись, использовались и как посыльные или транспортные суда.

Кроме того, следует учесть, что в Феодосии было две брандвахты: карантинная и военная. Дополнительные разыскания позволили установить, что обязанности карантинной брандвахты выполняла канонерская лодка № 4 под командованием лейтенанта Николая Сергеевича Потемкина (9, ч. VIII, с. 73—74). Он состоял в этой должности с 1819 по 1821 г. Лейтенант Н. С. Потемкин 16—18 августа 1820 г., безусловно, был в числе должностных лиц Феодосии, старавшихся оказать гостеприимство прославленному генералу Н. Н. Раевскому и его спутникам. Следовательно, они с Пушкиным могли как минимум видеть друг друга.

Из двух феодосийских брандвахт обилием забот была обременена, конечно, карантинная. Военно-политическая ситуация на Черном море была относительно спокойной. Одна русско-турецкая война (1806—1812 гг.) была уже давно позади, другая (1828—1829 гг.) — еще далеко впереди. Именно поэтому быстро развивалась торговля, в том числе международная. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила в номере за 28 сентября 1820 г. (12, с. 950): «В течение минувшего августа прибыло к здешнему порту (Феодосия — В. К.) купеческих кораблей: из-за границы: турецких 6, российских 2; а отправилось отсюда: за границу турецких 5, российских 1; в российские порты российских 4. — Товары пропущены были через таможенную следующие: бумажные, шелковые, полущелковые и шерстяные изделия, масло деревянное, вино, табак, орехи и другие мелочные товары, всего ценою на 228.335 рублей 63 копейки, да сверх того иностранной монеты на 130.400 рублей. Российские же отправления за границу: пшеница, железо, шерсть, войлоки овечьи, ремни моржевые, кожи сухие необделанные и прочие мелочные товары, ценою на 52.610 рублей. — Цены на главнейшие российские товары при здешней бирже состояли следующие: канату смоленого пуд от 6 руб. до 10 руб., воску желтого 70 руб. пуд, кож необделанных от 6 руб. до 12 руб. каждая, масла коровьего от 16 руб. до 20 руб. пуд, железа от 5 р. 70 коп. до 15 руб. пуд, пшеница арнаутка 1-го сорта 18 руб., 2-го 15 руб., озимой 1-го сорта 14 руб., 2-го сорта 9 руб., ячменю 7 руб., овса 6 руб., ржи 7 руб. четверть, соли 80 копеек пуд, и шерсти овечьей 6 руб. 50 копеек пуд»*.

* Господи! Вечная российская действительность: привезем 8 кораблей шелковых изделий, табака и орехов и оценим это более чем в 200.000 рублей, вывезем столько же кораблей зерна, железа, шерсти, масла и кож — и оценим в 50.000 рублей!

Таким образом, заботу о карантинной брандвахте в порту, через который за месяц 18 судов перевозили товаров больше чем на 400.000 рублей, хватало. Это, в свою очередь, говорит в пользу того, что Раевские и Пушкин в Гурзуф отправились на брандвахте военной, обязанности которой выполнял корвет «Або», боевой корабль Черноморского флота, откомандированный из Севастополя в Феодосию на брандвахтенную службу в 1818 г. Канонерская лодка, прикомандированная к Феодосии от Черноморского флота на должность карантинной брандвахты, тоже являлась боевым кораблем, вооруженным пушками и предназначенным для боевых действий в прибрежных районах морей, на озерах и реках. Следовательно, она могла временно взять на себя охрану феодосийского порта.

Именно корвет «Або» и был тем самым «военным» кораблем, который принял Раевских и Пушкина на борт 18 августа в Феодосии и доставил их 19 августа в Гурзуф. Кстати, конструктивно корвет и бриг — очень близкие типы судов.

Расскажем подробнее о корвете «Або». Он был построен в Николаеве и спущен на воду 4 мая 1809 г. Строителем 12-пушечного корвета был корабельщик Кузнецов. Это все сведения, которые удалось получить в фондах Николаевского музея судостроения и флота. Имя кораблю дал город в Финляндии (финское название — Турку). В русском флоте корветы появляются в самом конце XVIII столетия. Это были быстроходные суда с одной открытою батареею, имевшие до 20—30 орудий. Они предназначались для рекогносцирования неприятеля и для посылок, при необходимости могли нести крейсерскую службу, т. к. имели фрегатскую оснастку (три мачты, прямые паруса) (13, с. 327).

Командиром корвета «Або» в 1818—1820 гг. был капитан-лейтенант Иван Прокофьевич Дмитриев. Именно его без имени упоминает Пушкин в своем письме, рассказывая о морском переходе из Феодосии в Гурзуф: «Вот Чатырдаг», сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал» (XIII, 251).

Судьба свела Пушкина с человеком не менее яркой судьбы, чем капитан до сих пор ошибочно фигурировавшей в научной литературе «Мингрелии» М. Н. Станюкович. Командир «Або» в разные годы плавал под началом адмиралов Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина и М. П. Лазарева, участвовал во многих морских сражениях, не раз награжден. К приезду Раевских и Пушкина И. П. Дмитриев был феодосийским старожилом. В 1814—1818 гг. он командовал брандвахтенным

бригом «Лаврентий» на рейде Феодосии*, после чего возглавил корвет «Або». Свидетельством высокой репутации И. П. Дмитриева как морского офицера является тот факт, что в 1825 г., когда скончался в Таганроге Александр 1, именно ему было поручено командовать катером при императрице Елизавете Алексеевне. И. П. Дмитриев дослужился до вице-адмирала, состоял обер-интендантом Черноморского флота и портов. Уволен от службы незадолго до Крымской войны — в 1851 г. (9, ч. VII, 31—33).

Назовем имя еще одного офицера из экипажа «Або» — лейтенант Лазарь Маркович Серебряков. С 1819 г. он служил на брандвахтенной канонерской лодке № 4, в феврале 1820 г. произведен в лейтенанты и, видимо, после этого служит на «Або». Через пару лет он вернется служить в Феодосию, теперь уже командиром: сначала канонерской лодки № 4, потом корвета «Або». Его судьба сложится еще более удачно. Боевые походы, сражения, ответственные и самые разнообразные поручения, многочисленные награды (русские и иностранные), быстрая карьера. Перечислим только некоторые места его службы: Черноморский флот, Анапа, Варна, Турция, Петербург, Балтийский флот, Рыбинск, Дунай, Балтика, Константинополь, Балтика, Кавказская линия, Новороссийск, Петербург. Он встретит Крымскую войну вице-адмиралом, начальником всей Черноморской береговой линии, хорошо проявит себя в боевых действиях. Позднее станет полным адмиралом и членом Адмиралтейского Совета (9, ч. VIII, с. 208—212).

Чем более мы вглядываемся в окружение Пушкина на юге России, тем более закономерным предстает тот факт, что именно здесь — на Кавказе и в Крыму — муза поэта вновь заговорила после долгого молчания. Судьба сталкивала Пушкина на каждом шагу с людьми сильных характеров, яркой биографии. Это был во многом иной, чем в столице, тип людей — взращенных на войне и для войны. Общение с ними делало сильным самого поэта. Своей жизнью они учили его никого и ничего не бояться, верить в себя, беззаветно служить избранной цели.

Не случайно именно на палубе вверенного капитан-лейтенанту И. П. Дмитриеву корвета «Або» в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. Пушкин начнет писать свое первое «крымское» (и вообще южное!) стихотворение «Погасло дневное светило...», в котором сквозным станет мотив обращения к морю и кораблю как символам надежды и обновления:

* Не после этого ли горожане продолжали по привычке называть бригом сменивший «Лаврентия» корвет «Або»?

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей (...) (П, 146)

В деталях история отправки Раевских и Пушкина морем из Феодосии в Гурзуф была, видимо, следующей. По распоряжению феодосийского градоначальника корвет «Або» готовился в путь до Севастополя. Приехавших из Керчи Раевских и Пушкина охотно согласились доставить попутно к месту их отдыха — в Гурзуф. Тем более, что у прославленного генерала на руках наверняка было что-то вроде «открытого предписания» от кого-нибудь из высокопоставленного начальства (например, от того же наместника Кавказа — генерала А. П. Ермолова). 17 августа, после нескольких дней безостановочной езды, утомленные путешественники отдыхали. На корвет «Або» в это время были погружены их вещи. 18 августа Раевские и Пушкин отправляются в дорогу.

19 августа отсутствующему в Феодосии В. Н. Карленкову доставляют распоряжение А. Н. Баранова за 17 августа. Столь долгий срок доставки объясняется тем, что распоряжение сначала проделало с нарочным весь путь до Феодосии, а потом 53 версты (чуть не полдороги) возвращалось обратно в деревню Азамат (ныне Васильевка), что находится севернее главного тракта почти под Карасубазаром (Белогорском), где земский исправник расположился для лечения. На запрос В. Н. Карленкова из Феодосии доложили, что интересующие его Раевские отбыли на корабле, направившемся в Севастополь. Чиновник же рапортовал А. Н. Баранову, что высокий гость «изволил отправиться» в Севастополь. Так из совокупности совершенно достоверных фактов родилось очевидное недоразумение, которое более 80 лет скрывало от ученых и читателей разгадку морского путешествия Пушкина из Феодосии в Гурзуф.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бартенев П. И.** Пушкин в Южной России. — Русский архив — 1866. — № 8—9
2. **Цявловский М. А.** Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — Т. 1. — М.: АН СССР, 1951
3. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский — Изд. 2-е, испр. и доп. — Л.: Наука, 1991
4. Известия Таврической ученой архивной комиссии. — № 47. — Симферополь, 1912.
5. **Бертье-Делагард А. Л.** Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники — Вып. XVII—XVIII. — СПб., 1913
6. ЦГА Крыма, ф. 26, оп. 1, д. 5000.
7. ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп 1, д. 1272.

8. ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1, д. 1271.
9. Общий морской список. — СПб., 1893
10. Морской энциклопедический словарь — Т. 1. — Л.: Судостроение, 1991,
11. Формулярные списки классных чиновников Таврической губернии. — ЦГА Крыма, ф. 27, оп. 1, д. 1986.
12. Санкт-Петербургские ведомости. — 1820, — 28 сентября.
13. Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. — Т. 11. — СПб., 1903.

ДОМ ПОД СЕНЬЮ АЮ-ДАГА

«Счастливейшими днями жизни» назвал А. С. Пушкин три недели, проведенные им в Гурзуфе в 1820 г., и еще В. Брюсов сделал из этого вывод, что его известное выражение «я жил сиднем» надо понимать почти буквально» (1).

В самом деле, зачем бежать от счастья, которого не принесли «отечески края»? В эти три недели Пушкин ограничивался прогулками по ближайшим окрестностям Гурзуфа, большую часть времени проводя с Раевскими в доме Ришелье или вблизи от него.

Личность герцога А.-Э. де Ришелье (1766—1823) пока не удостоилась особого внимания пушкинovedов, вероятно, по той причине, что не известны какие-либо свидетельства интереса к нему Пушкина, в отличие от его знаменитого предка кардинала Ришелье. Принадлежит к знатному роду, будущий герцог с детства был обречен на придворную жизнь, каковой он рано начал тяготиться, имея склонность к наукам, постоянно отыскивая предлог для образовательных путешествий, а затем и участия в войнах.

Начавшаяся в 1789 г. революция позволила двор покинуть, хотя при этом он продемонстрировал рыцарскую верность поверженному монарху. Затем он оказался в составе русской армии, участвовал в штурме Измаила в 1790 г., где был ранен, замечен Суворовым, а затем и Екатериной II, пожелавшей, чтобы он «разыграл некогда во Франции роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками» (2). Начинается десятилетие жизни между Россией и Францией: с одной стороны — приобретение чинов в русской армии, с другой — стремление сохранить связь с родиной, где оставалась семья. В это время Ришелье разработал план поселения французских эмигрантов в степях Новороссии в качестве «военных колонистов», что было ими с негодованием отвергнуто (3). На какое-то время (при Павле I) Ришелье оказался отторгнутым всеми — и Россией, и Францией, и эмиграцией, но после воцарения Александра I ему были предложены на выбор высокий воинский чин и должность одесского градоначальника, Ришелье, желая работать самостоятельно над воплощением в девственном краю своих экономических и социально-политических воззрений, предпочел в 1803 г. занять административный пост, вскоре став и Новороссийским генерал-губернатором.

Каковы были основы мировоззрения Ришелье? В значительной степени это политико-экономическое учение Адама Смита, освоенное Ришелье еще в юности (4). Трудями А. Смита начинали интересоваться и в России и даже переводить (первое издание «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1802 г.) относится как раз к моменту превращения России для Ришелье в «приемное отечество»). Но именно Ришелье впервые и столь масштабно организовал проверку жизнеспособности их некоторых положений, сумев с присущими ему тонкостью и тактом приспособить общие идеи к конкретным местностям, людям и их деятельности. «Не будем слишком регулировать», — говорил он, самую общую цель видя в том, чтобы производить как можно больше для того, чтобы больше вывозить, и вывозить как можно больше для того, чтобы поднимать и развивать производительные силы страны.

За короткое время экономическая политика Ришелье (умелое регулирование таможенных пошлин и налогообложения, своевременное строительство портовых сооружений и т. д.) превратила Одессу в подлинное южное «окно в Европу», крупнейший торговый центр на Черном море, пользующийся мировой славой (корабли прибывали сюда даже из Северо-Американских Соединенных Штатов). В сельском хозяйстве Ришелье поощрял фермерское земледелие, что быстро дало свои плоды, превратив Новороссию во всеевропейскую житницу. К сожалению, в дальнейшем этот путь не получил развития. Сменивший Ришелье на посту Новороссийского генерал-губернатора граф М. С. Воронцов, хотя и был сторонником вольнонаемного труда, в первую очередь радел о крупных помещичьих хозяйствах (5).

Одесса стала привлекать не только торговых и промышленных предпринимателей, но и культурные силы Европы — инженеров, архитекторов, естествоиспытателей, ученых. Здесь появляются театр, учебные заведения. Пушкин высоко оценил результаты этих усилий: «...я оставил мою Молдавию и явился в Европу», — писал он (6) о прибытии в 1823 г. в город, еще находящийся в «ауре» Ришелье.

Известно, что Ф. Энгельс дословно, в нескольких вариантах и с максимальной точностью переводил строки «Евгения Онегина» с упоминанием А. Смита, а К. Маркс, основываясь на этих строках, отметил в работе «К критике политической экономии»: «...что деньги — товар, это русские поняли уже давно...» (7). Не стал ли Пушкин для них невольным истолкователем не только теоретических интересов передового дво-

рянства, но и первых практических результатов умелого применения теории в жизни именно Ришелье?

Один из, как тогда выражались, подвигов Ришелье в Одессе — победа над чумой, вспыхнувшей тут в разгар Отечественной войны 1812 года (в которой он намеревался принять участие на поле боя). Быстрые и строгие меры карантина не допустили тогда проникновения эпидемии вглубь территории. Хотелось бы услышать хотя бы косвенное обращение к Ришелье в словах пушкинского Председателя из «Пира во время чумы»:

Отселе — поздно — слышу голос твой,
Меня зовущий, — признаю усилья
Меня спасти...

На посмертно выбитой в Париже в честь Ришелье медали среди лаконичных надписей есть и такая: «Цивилизовал Крым». Посещал он полуостров неоднократно, отмечал обилие стад «пастушеского народа» и в то же время запущенность земледелия, принимал меры для развития садоводства (в частности, организации Никитского ботанического сада). Одним из первых высших российских чиновников обратил внимание на Южный берег Крыма, оценив его выше французской Ривьеры. Особенно понравился ему Гурзуф, где он в 1808 г. приобрел с торгов участок около 140 га, а затем заложил там дом для летнего отдыха.

Неизвестный нам архитектор (вероятно, также выходец из Франции) использовал при проектировании дома две строительные культуры — европейского классицизма и местной трансформации традиционной средиземноморской.

Новые русские города на юге в конце XVIII — начале XIX вв. застраивались в основном по «образцовым» проектам. Традиционная композиция — главный дом с фасадом, украшенным колоннами, — была привычна глазу русского поселенца. Но с течением времени, несмотря на строгости строительного контроля, там, где сильнее ощущались местные архитектурные тенденции, начались постепенные изменения стиля построек. Типично европейская схема основного объема дома порой соединялась с наиболее характерными элементами местных построек, например, открытой галереей, которая являлась неотъемлемой частью крымского двухэтажного жилища, сложившегося еще со времен античного Херсонеса.

Автор проекта дома Ришелье, видимо, был хорошо знаком с местными постройками и оценил их приспособленность к условиям долгого жаркого лета, оптимальный санитарно-гигиенический режим, защищенность от избытка солнца и в то же время органичную включенность в окружающий пейзаж.

Горный ландшафт побережья был постоянно действующим условием формирования каждого архитектурного объема и неизбежно влиял на его восприятие. Таким путем и складывалась объемно-пространственная структура дома Ришелье — первого и долгое время единственного подобного сооружения на Южном берегу Крыма. Особую роль в органичном соединении дома с окружающей средой («растворении») сыграла галерея, впоследствии застекленная, а сейчас восстановленная в первоначальном виде.

Не сразу и не всем дом пришелся по душе. И. М. Муравьев-Апостол посчитал его весьма неудобным: «Замок этот доказывает, что хозяину не следует строить заочно, а может быть и то, что самый отменно хороший человек может иметь отменно дурной вкус в архитектуре» (8). Лучше уловил назначение здания как летней дачи французский путешественник Дюбуа де Монпере, которому дом показался «настоящим воздушным дворцом, ибо весь состоял из лестниц и галерей... Видно, что владелец искал только воздуха и видов».

После новоселья в 1811 г. хозяину больше не удалось побывать здесь, хотя он мечтал это сделать и даже поселиться в Гурзуфе после отставки. Но он дал разрешение останавливаться в своем пустующем доме всем пожелавшим того путешественникам высшего общества, чем и воспользовались Раевские и Пушкин в 1820 г. И дом Ришелье стал своеобразным центром пространства пушкинских «счастливейших дней» (их **хронотипом**), что, конечно, ничуть не умаляет роли его тогдашних обитателей. То обстоятельство, что какие-либо реалии этого дома не нашли отражения в творчестве поэта, объясняется диалектическим сочетанием в его художественном мышлении мотивов «бегства» и жизни «сиднем», «покою» и «воли». Перевод внешнего (описываемого) пространства во внутреннее (текстовое) никогда не бывает дословным.

Реальность Петербурга воспитывала сознание на примерах гармоничного единства природы и культуры, их равноценности. «Природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, кривизны и косвенности, к связи с низом (земля и вода), культура — к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу), — описывает эту ситуацию В. Топоров. — Переход от природы к культуре (как один из вариантов спасения) нередко становится возможным лишь тогда, когда удается установить зрительную связь со шпилем или куполом...» (9).

Хаотичные «шпили» гор (как на Кавказе) или вид древних развалин (как на Керченском полуострове) сами по себе создать «гурзуфский» эффект не могли. Именно наличие знако-

мой (пусть на подсознательном уровне) культурно-природной структуры, творчески воплощенной под сенью Аю-Дага, света разные впечатления в единое целое. Теперь и остатки древностей воспринимались иначе, внушая не скуку, а становясь элементом поэзии.

Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в паденьи горделивом
Развалины, пониженные челом
Старик Сатурн в полете молчаливом
Снедает их...
И волны бьют вокруг валов обгорелых,
Вкруг ветхих стен и башен опустелых
Близ ветхих стен один над павшей урной
Увижу ль я сквозь темные леса
И своды скал и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса.

Нельзя сбрасывать со счетов и библиотеку Ришелье с сочинениями Вольтера, А. Шенье, Байрона, которым поэт особенно увлекался тогда, классиков античности. В свое время Д. Соколов провел любопытную реконструкцию гурзуфских впечатлений, преломившихся в написанной позже «Нериде» — от реальной купальщицы до чтения стихотворения Катулла «Свадьба Пелея и Фетиды» (10). Дальнейшая судьба этой библиотеки неизвестна.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Брюсов В. Пушкин в Крыму // Собр. соч., т. 7. — М., 1975. — С. 14.
2. Половцев А. А. Герцог Арман-Эммануэл Ришелье // Сб. Рус. истор. о-ва, т. 5 — СПб., 1886. — С. У.
3. Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. — М., 1970. — С. 192
- 4 Надлер В. К. Одесса в первые эпохи ее существования. — Одесса, 1893. — С. 69—70.
5. Дружинина Е. И. Указ. соч. — С. 202.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти т. — Т 10. — Л., 1979. — С. 53.
- 7 Алексеев М. П. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» // Пушкин. Исследования и материалы. — М. — Л., 1953. — С. 28, 76
- 8 Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — СПб., 1823. — С. 153—154.
9. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам XVIII — Tartu, 1984 — С. 24.
10. Соколов Д. К вопросу о пушкинских местах в Гурзуфе // Пушкин и его современники. Вып. 23—24 — Пг., 1916. — С. 196—197.

* * *

...главное богатство и красоту гурзуфской долины, конечно, составляет прекрасная дача и очаровательный сад г. Фундуклея, расположенный на холмистой местности, спускающейся от самой почтовой дороги к покатоному берегу моря.

Красивый господский дом поставлен на весьма выгодном месте, и с галерей его открывается великолепный вид на горы, на татарскую деревню, на гурзуфские скалы и на море

С этим домом, соединено воспоминание о герцоге де Ришелье, бывшем Новороссийском губернаторе, которому наш край так много обязан своим первоначальным устройством. Герцог Ришелье был первым владельцем Гурзуфа, и дом, построенный им здесь, был одним из первых домов, первым началом русской колонизации на южном берегу Крыма. Ришелье завещал это имение бывшему своему адъютанту, потом известному археологу, — Стемпковскому, от которого оно было приобретено другим устройтелем Новороссийского края, графом М. С. Воронцовым, и уже от графа Воронцова Гурзуф перешел к его настоящему владельцу

Но есть еще другое, дорогое для каждого русского воспоминание, которое соединено с именем Гурзуфа и с домом на бывшей даче герцога Ришелье. На этой даче и в этом доме жил одно время Пушкин, в семье генерала Раевского, одного из героев двенадцатого года. Раевский вместе с Пушкиным возвращался (в августе 1820 г.) с кавказских минеральных вод в Крым, где в то время проводило лето его семейство, на даче герцога Ришелье в Гурзуфе, которую он уступил для этого Раевскому — своему товарищу по военной службе.

Жизнь в Гурзуфе и обозрение роскошных берегов Крыма оставили в Пушкине самые живые и поэтические впечатления, которые он передавал потом в таких чудесных стихах и к которым так часто возвращался и в стихах своих, и в письмах к друзьям.

Из «Альбома всех лучших видов Крыма. 26 гравюр на стали с текстом» (Лейпциг, 1869),

Алупка, 5 сентября 1820 года

(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Начиная с первого издания «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» считается, что, выехав из Гурзуфа 5 сентября (1), пугники направились «тропой через Ай-Данильский лес до Гикитского сада и далее до Ялты (тогда маленькая деревушка на берегу моря). Отсюда подъем на Аутку и оттуда через Ореанду, Кореиз, Мисхор до Алупки. Здесь ночевка в татарском дворе» (2). Это уже довольно давно принятый факт, неоднократно упоминаемый (без ссылок на источники и без аргументации) в пушкиноведческой и краеведческой литературе (3), проверить истинность или ложность которого практически невозможно.

Некоторые авторы, перечисляя знаменитых посетителей Алупки, предпочитали умолчать об этом (4), даже такой осведомленный краевед, как А. И. Полканов, неоднократно в своей книге упоминающий и цитирующий А. С. Пушкина (5), не использует столь престижный, но малообоснованный факт. В самом деле — ни в творческом наследии поэта, ни в воспоминаниях современников нет упоминаний о таких деталях путешествия по Южному берегу. Маршрут, безусловно, так и пролегал, другой дороги в то время просто не было. Но из каких соображений исходил составитель «Летописи» М. Я. Цявловский, предполагая датой выезда 5 сентября, Алупку как один из пунктов отдыха, а местом ночлега — татарский дом?

Прежде всего, видимо, опирались на свидетельство Г. Гераркова, указавшего в своих записках, что 8 сентября в Симферополе он виделся с генералом Раевским (6). В Симферополь путешественники прибыли из Бахчисарая, следовательно, при реконструкции хронологии событий принималось в расчет расстояние по маршруту Гурзуф—Георгиевский монастырь—Бахчисарай—Симферополь. Путники могли попасть в Бахчисарай 7 сентября (опять напомним, что дата принята весьма условно), только выехав утром из Георгиевского монастыря, где, судя по впечатлениям, полученным поэтом, путешественники были достаточно долго и, возможно, ночевали. В таком случае между Гурзуфом и Георгиевским монастырем должна быть еще по крайней мере одна ночевка, т. к. за день столь сложную в те времена дорогу людям непривычным одолеть невозможно. Однако и от Гурзуфа до Алупки дорога была достаточно тяжела. Например, В. Б. Броневский и И. М. Муравьев-Апостол, проезжая этот отрезок пути, дважды останав-

ливались на ночлег — в Алупке и в Никитском саду (7). А. С. Грибоедов ночевал в Дерекое и Кучук-кое (8). Вопрос о дате выезда из Гурзуфа и возможной дате ночевки в Алупке требует, как видим, дальнейшего изучения, и далее мы на этом останавливаться не будем.

Аргументы в пользу именно Алупки, как места остановки путников, можно найти в путевых заметках людей, проезжавших по Южному берегу в период с 90-х гг. XVIII в. по 1833 г., т. е. до проведения южнобережного шоссе (9). Статистический анализ графика передвижения по маршруту Гурзуф—Георгиевский монастырь мало что дает, поскольку путешественники имели неравные физические возможности и не все могли пользоваться присущим их должности или знатности привилегиями, тоже влияющими на скорость передвижения и выбор пунктов для отдыха. Например, В. Б. Броневский ехал вместе со свитой феоdosийского градоначальника С. М. Броневского, совершавшего инспекционную поездку по карантинам, и был вынужден подчиняться графику его движения (10). И. М. Муравьев-Апостол путешествовал вместе с женой, да и ему самому было в то время 55 лет (11). Были, несомненно, и другие случайные факторы.

Но из всех пунктов Южного берега, через которые пролегал маршрут путешествующих, наиболее удобна для ночлега именно Алупка, расположенная в 30 верстах от Гурзуфа (12) (по старому шоссе, проложенному в основном по старинным тропам, т. е. по наиболее удобным местам), примерно посередине пути, в начале (для едущих с востока на запад, как Раевские и Пушкин) наиболее трудного и опасного участка Южного берега: Алупка — Мухалатка. В 1799 и 1803 г. в Алупке ночевал П. И. Сумароков, в 1815 г. — В. Б. Броневский, в 1820 г., спустя месяц после Пушкина, по тому же маршруту ехал И. М. Муравьев-Апостол, который также остановился на ночлег в Алупке (13). Наконец, в 1825 г., днем, здесь отдыхал А. С. Грибоедов (14).

Итак, если принять за аксиому, что Раевские и Пушкин остановились на отдых именно в Алупке, какие подробности мы можем добавить к общеизвестным фактам? Известно, что в 1815 г. в Алупке было «40 дворов с мечетью» (15). Можем ли мы установить, в каком из них приютили путников? Попробуем сделать это.

В. Б. Броневский, останавливавшийся для ночлега в Алупке, пишет, что их проводили «в дом татарина, у которого все проезжающие останавливаются» (16). Но был ли этот дом единственным, в котором могли остановиться проезжающие, и не изменилось ли что-либо за 5 лет, когда в Алупку прибы-

ли Раевские и Пушкин? Просмотрим путевые заметки других проезжающих и постараемся выявить какие-либо приметы дома, в котором они ночевали.

П. И. Сумароков:

«Я (...) пошел искать от зноя себе убежище в ближайший сад, взманивший меня прохладой (...) Там посреди усыпанных плодами гранатных, абрикосовых, миндальных и фиговых деревьев показывались горделивые лавры, и высокие кипарисы выставляли верьхи свои, покрытые темною зеленью (...) Ом-Баша отвел нам дом того татарина, кому принадлежал оный сад» (17).

В. Б. Броневский:

«Дом, в котором мы остановились, осеняют три кипариса, посаженные, как мне сказали, по приказанию князя Потемкина» (18).

Муравьев-Апостол:

«Дом, в котором мы ночевали, окружен диким садом, состоящим из дерев гранатовых, фиговых, оливковых, рябин лавров, кипарисов» (19).

Итак, проезжающие через Алупку в течение двадцати лет путники останавливаются в доме, имеющем характерную примету — кипарисы. П. И. Сумароков о своем пристанище во время второго посещения Алупки ничего конкретного не пишет, но скорее всего останавливался в этом доме, так как именно дом в окружении трех кипарисов изображен на единственном посвященном Алупке рисунке, приложенном к его описанию Крыма. Эта деталь пейзажа запоминается всем путникам, побывавшим в Алупке, от П. Палласа (1793—94) (20) и П. И. Сумарокова (1799 и 1803) (21) до А. С. Грибоедова (1825) (22).

Могут возразить — нигде не сказано, что к 1820 г. в Алупке не было других домов под кипарисами. Вопросом о распространенности в Крыму кипарисов занимался в свое время А. Л. Бертье-Делагард в связи с известными спорами о «пушкинском кипарисе» в Гурзуфе (23). Изучив все известные источники и обмеряв наиболее старые деревья, Бертье-Делагард пришел к выводу, что кипарисы появились в Крыму после 1783 г., а наиболее старые крымские кипарисы растут в Алупке близ дворца (24) и были впервые упомянуты Палласом, причем в других местностях Крыма Паллас кипарисов среди прочих деревьев не называет.

Вот отрывок из описания Алупки Палласом, на которое ссылается Бертье-Делагард:

«Несколько кипарисов, лавровишня, древесная акация, самшит и другие растения, привезенные из Константинополя,

растут здесь на диво...» (25).

Броневский, перечисляя деревья и кустарники, распространенные в Крыму, тоже не называет среди них кипариса, так как видел его только в Алушке и близ дома, в котором он остановился (26).

Н. С. Всеволожский об алушкинских кипарисах пишет, что «кипарисы эти первые и, можно сказать, праотцы всех растущих теперь в Крыму» (27)

Следовательно, можно сделать вывод, что кипарисы в Алушке были только те, что замечены всеми проезжающими, и другого дома с такой приметой быть не могло.

Итак, рассмотренные источники показывают, что на протяжении более чем двадцати лет путешествующие по Южному берегу останавливались преимущественно в одном и том же доме, имеющем характерную примету — кипарисы. Это кипарисы, известные впоследствии под названием «потемкинских». Название «потемкинских» закрепилось за ними по ошибке, никаких кипарисов Потемкин на Южном берегу не сажал. А. Л. Бертье-Делагард подробно рассматривал возникновение этой легенды (28) и указал настоящего владельца кипарисов и некоторых других указанных в Алушке экзотических растений. Это С. Кондараки (29), дед известного краеведа и автора книг о Крыме В. Х. Кондараки.

Этот дом изображен на рисунке в альбоме иллюстраций к книгам П. И. Сумарокова: домик, подле которого видны три молоденьких кипариса. Он не татарской постройки, а более похож на европейский — с двускатной крышей. А. Л. Бертье-Делагард, инженер и знаток этнографии Крыма, также уточняет, что дом не татарской постройки (30). Это и понятно — ведь строил его грек. Дальнейшая судьба этого дома и сада связана с преобразованиями, которые начались в Алушке с 1824 г. Граф М. С. Воронцов, скупая участки у местного населения, приобрел и этот: в числе документов на земельные владения Алушки есть купчая от 1825 г. на приобретение от Софии Васильевны Кондараки того самого участка земли, на котором растут эти кипарисы.

Таким образом, можно с достаточным основанием сделать вывод, что Раевские и Пушкин останавливались на ночлег в Алушке в доме, принадлежащем семье Кондараки. Место, где он располагался, изображалось по крайней мере трижды в разное время. Это уже упоминавшийся рисунок в альбоме Сумарокова, это гуашь К. Боссоли 1841 г. (31), и наконец фотографии «потемкинских кипарисов» работы В. Н. Сокоорнова. Если довериться чувству перспективы художников, рисовавших в свое время дом и окружавшие его кипарисы, можно

предположить, что дом, в котором в 1820 г. остановился на ночлег А. С. Пушкин, находился вблизи или на линии северного фасада алупкинского дворца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — М., 1951. — Т. 1 — С. 241; 242—243, Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина 1799 — 1826 // Сост. М. А. Цявловский. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Л.: Наука, 1991. — С. 227. — Заметим, что дата установлена весьма условно. — Томашевский Б. В. Пушкин. — М. — Л., 1986. — С. 486 (В действительности Пушкин выехал из Гурзуфа 5 сентября),
2 Там же.
- 3 А. С. Пушкин. К 150-летию со дня рождения: Сб. материалов в помощь культпросветработникам. — Симферополь: Крымиздат, 1949. — С. 50, Выгон М. И. Пушкин в Крыму. — Симферополь: Таврия, 1974. — С. 45; Макаров М. Алупка—Симеиз — Симферополь: Крымиздат, 1954. — С. 40, Пальчикова А. П. Алупка — Симферополь: Крым, 1967. — С. 8; Царин А. П., Широков В. А. Алупка // История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. — Киев, 1974. — С. 557, Пальчикова А. П. Алупка. — Симферополь, Таврия, 1979. — С. 4, Тимофеев Л., Царин А. Алупка. Путеводитель. — Симферополь: Таврия, 1985. — С. 23, Алупка. Дворец и парк (Из истории усадебной культуры Южного берега Крыма): Альбом / Сост. А. А. Галиченко, А. П. Царин. — Киев: Мистецтво, 1992. — С. 3.
4. Волошин М. П., Косаревский И. А., Рубцов Л. И. Алупкинский парк в Крыму — Киев: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре УССР. — С. 3.
5. Полканов А. Алупка. Дворец-музей и парк. — Симферополь: Крым издат, 1957. — С. 3, 4, 5, 7, 8, 23.
6. Гераров Г. Путевые заметки по многим Российским губерниям 1820 и начала 1821. — Петроград, 1830. — С. 158.
7. Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году. — Тула, 1822. — С. 56—60, 75, Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — СПб., 1823. — С. 157, 163—164.
8. Грибоедов А. С. (Крым) // Грибоедов А. С. Соч в 2 т., — Т. 2, — М.: Правда, 1971. — С. 160.
9. Одесский вестник. — 1833. — № 35. — С. 137
10. Броневский В. Указ. соч. — с. 3.
11. Муравьев-Апостол И. М. Указ. соч. — с (посвящение), 166—167, р-въ В. Муравьев—Апостол // Энциклопедия словарь Брокгауза—Эфрона. — СПб., 1897. — Т. 20 — С. 194
12. Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 года // Списки населенных мест Российской империи / Сост. и изд. Центральный статистический комитетом Министерства внутренних дел. — Т. 41. — СПб., 1865. — С. 92, 94,
13. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. — М., 1800. — С. 153; Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. — Ч. 2. — СПб., 1805 — С. 195 — 196, Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году — Тула, 1822. — С. 57; Муравьев—Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — СПб., 1823. — С. 163—164
14. Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 160.
15. Броневский В. Указ соч. — С. 59
16. Там же — С. 57.

17. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. — М., 1800 — С. 167.
18. Броневский В. Указ. соч. — С. 60.
19. Муравьев-Апостол И. М. Указ. соч. — С. 163—164.
20. Марков Е. Очерки Крыма. — 3-е изд. — СПб., 1913. — С. 295 — 296
21. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году — М., 1800 — С. 167 Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. — Ч. 2 — СПб., 1805. — С. 195—196.
22. Грибоедов А. С. Указ. соч. — С. 160,
23. Бертъе-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники. — Вып. XVII—XVIII — СПб., 1913, — С. 128,
24. Там же. — С. 129,
25. Марков Е. Указ. соч. — С. 295 — 296,
26. Броневский В. Указ. соч. — С. 159 — 172.
27. Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым, Одессу в Константинополь и т. д. в 1836 и 1839 г., — Т. 1, — М., 1839, — С. 135,
28. Бертъе-Делагард А. Л. Указ. соч. — С. 131,
29. Там же.
30. Там же. — С. 130.
31. Алушка. Дворец и парк (Из истории усадебной культуры Южного берега Крыма); Альбом / Сост. А. А. Галиченко, А. П. Царин — Киев: Мистецтво. 1992) — С. 57.

ПУШКИН В ГЕОРГИЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

По окончании отдыха в Гурзуфе Н. Н. Раевский-старший, отправив жену и четырех дочерей морем в Севастополь, вместе с сыном Н. Н. Раевским-младшим и Пушкиным верхом трогается в дорогу до Симферополя. В пути, видимо, было три ночевки: первая, вероятно, в Алупке, последняя — в Бахчисарае. Местом второй ночевки был Георгиевский монастырь.

«Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» датирует прибытие в Георгиевский монастырь вечером 6 (18 по н. ст.) сентября, отъезд — утром 7 (19 по н. ст.) сентября 1820 г. (1, с. 241, 754; 2, с. 227—228, 659). Само пребывание в монастыре раскрывается в «Летописи» следующим образом: «Георгиевский монастырь. Ночевка. Осмотр развалин около Георгиевского монастыря, по преданию — древнего храма Артемиды* и памятника дружбы, храма Орестеонов. Заезжают на мыс Фиолент (вблизи Георгиевского монастыря)» (2, с. 227; 1, с. 241).

Комментарий чрезвычайно скуп, отражая общую неразработанность вопросов путешествия Пушкина по Крыму. Тем более досадно, что «Летопись» не вобрала в себя даже тот фактический материал, который до нас доносит переписка поэта. В письме А. А. Дельвигу от XII. 1824 — XII. 1825 гг. из Михайловского читаем: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы (...)» (XIII, 252; см. также IV, 176, VIII, 438).**

В «Летописи» проигнорировано то общее «сильное впечатление» (в черновике даже — «единственное сильное впечатление», VIII, 1000), которое оставило у поэта посещение монастыря. Упущены перечисляемые Пушкиным местные реалии: упомянуты «баснословные развалины храма Дианы», но отсутствует «крутая лестница к морю», которая свой нынешний «цивилизованный» вид обрела в год тысячелетия мона-

*Непонятно, почему М. А. Цявловский так безоговорочно пушкинское латинизированное наименование богини — Диана — заменяет на греческое — Артемида. Это противоречит не только словоупотреблению поэта, но и словоупотреблению эпохи.

** Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. — АН СССР, 1937—1949:

стыря — в 1891 г. Но и сейчас она производит очень сильное впечатление на посетителей несколькими сотнями ступенек, карабкающихся по обрывистому склону крутым серпантином. Можно только догадываться, насколько менее обустроенной и более выразительной она была в пушкинские времена, ведь монастырские постройки расположены на крутом обрыве высотой более 150 м над уровнем моря. Показательно, что из посетителей 1820 г. о лестнице пишет только молодой и склонный к риску поэт. Путешествовавшие почти одновременно с ним по Крыму самовлюбленно-чопорный Г. В. Гераков и педантично-академичный И. М. Муравьев-Апостол о ней умалчивают, что скорее всего свидетельствует о том, что они по этой лестнице не спустились.

Наконец, в черновике письма фигурируют «скала» и «черные скалы» (VIII, 1000), легко привязываемые к реалиям бухты Георгиевского монастыря, в которой есть как отдельно стоящие скалы (Пушкин скорее всего имеет в виду скалу Георгиевскую, располагающуюся как раз напротив монастыря, но есть еще стоящая чуть западнее скала Крест), так и группа выразительных и достаточно зловещих при вечернем освещении скальных утесов, замыкающих с востока и с запада видимое глазу пространство.

21 сентября — через 15 дней после Раевских и Пушкина — Георгиевский монастырь посещает Г. В. Гераков, оставивший следующее описание этого одного из красивейших в Крыму мест: «(...) в 10 часов остановились у небольшого портика, со вкусом выстроенного; вошли в оный, и мы в Георгиевском монастыре, и вдруг глазам нашим явилось Черное море, крутые дикие берега, навислые огромные скалы, высунувшиеся в шумящую влагу граниты, в величественном и мрачном виде, единая уединенная церковь смиренно взирала на напрасные усилия вечных волн морских, стремящихся подмыть основу ея»* (З, с. 34).

Спустя еще два дня монастырь посещает И. М. Муравьев-Апостол, также испытавший большое впечатление от осмотра его местоположения: «...я пустился мимо неизвестных теперь развалин древнейшего Херсона, вдоль юго-восточного, постепенно возвышающегося берега, до мыса Феолента, за коим представляется позлащенный крест, воодруженный на самом краю утеса. Надобно близко подъехать, дабы выйти из обмана и увериться, что это крест церковной главы Георгиевского монастыря, стоящего на уступе горы, к коему ведет спуск

* Здесь и далее в цитируемых дореволюционных книгах и архивных документах пунктуация и орфография в основном приведены в соответствии с современными нормами.

крутой и опасный на лошадях. Небольшой домик, к стене прислоненный, жилище архиепископа., за ним немногие кельи, над коими видны опустевшие, осыпающиеся пещеры, в коих прежние отшельники обитали; наконец, небольшая чистенькая, недавно построенная церковь, — вот все то, что составляет обитель Георгиевскую. Сойди несколько ступеней крыльца церковного и ты на террасе, как балкон висящей над ужасною пропастью... Не доверяй полусгнившим деревянным перилам! и когда ты насладишься произвольным трепетом, слушаешься рева волн под ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей ярится море и покрывает его пеною: тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины; посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра; взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы, — и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и тревожений. Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре: здесь медведица не видна и о севере слуха нет» (4, с. 84—86).

Нет сомнения, что Раевские с Пушкиным, как и Г. В. Герарков, и И. М. Муравьев-Апостол, осмотрели монастырь: братские кельи, прекрасный источник чистой воды, некрополь и церковь св. Георгия. Безусловно, им рассказали основные предания и факты из истории монастыря, очень яркой и богатой.

Балаклавский Георгиевский монастырь принадлежит к числу главных и наиболее известных христианских святынь Крыма. Он особенно славился тем, что был единственным монастырем, не прекращавшим своей деятельности с XV в. Что же касается его основания, то легенда связывает рождение обители с чудесным спасением византийских греков, корабль которых буря гнала прямо на скалы. Видя приближение своей гибели, моряки воззвали к св. Георгию, моля о спасении. Молитва была услышана: святой явился на большом камне, который возвышался посреди бушующего моря, и буря тотчас утихла. Спасенные нашли на камне икону великомученика Георгия, которую поместили в бывшей на берегу пещерной церкви. В 891 г. здесь был основан монастырь. Есть мнение, что пещерная церковь была основана значительно раньше — в I—V вв. (5, с. 729—730).

Овеянное преданиями и легендами прошлое, удивительной красоты природа и уединенность делали монастырь из-

вестным среди монашества. Многие иерархи, достигшие впоследствии высокого сана, начинали иноческую жизнь в Георгиевском монастыре. Не меньше сановного клира стремилось попасть сюда на закате жизни. Только за конец XVIII—первую половину XIX в. из семи настоятелей монастыря четверо имели высокий сан архиепископа или митрополита. Дважды — 17 мая 1818 г. и 27 октября 1825 г. — монастырь посещал Александр I. В числе других знатных лиц в этой обители похоронен князь А. Н. Голицын (1773—1844), занимавший при Александре I посты обер-прокурора святейшего Синода и министра народного просвещения.

К началу XIX в. церковь св. Георгия и строения монастыря пришли, по словам настоятеля игумена Анфима, «в немалую ответшалость, и притом столь тесно, что едва способны помещать живущих» (6, д. 3, л. 215). Был начат сбор пожертвований на обновление обители. Три тысячи рублей пожертвовал адмирал Ф. Ф. Ушаков (до этого бывший среди тех, из чьих даров образовалась принадлежащая монастырю земля), по сто — севастопольский купец Кази и великий князь Николай Павлович — будущий император Николай I. Деятельную и разнообразную помощь оказывал А. Н. Голицын. Было много других дарителей и помощников.

План храма в 1808 г. выполнил архитектор Иван Дамошников (6, д. 5, л. 20). Он же осуществлял надзор за строительными работами. 27 июля 1809 г. Екатеринославская духовная консистория дала благословение на возведение нового храма, разрешив «монастырю вместо старой строить новую церковь и прочие каменные здания» (6, д. 5, л. 3). Еще 2 марта 1809 г. митрополит Хрисанф заключил контракт с «турецкоподданным греком» Иоакимом Панаиоти. Подрядчик обязывался «старую церковь святого великомученика Георгия сего года апреля в последних числах сломать и построить новую по данному мне плану, длиной пяти с половиной, шириною трех с половиной, а вышиною двух-трех аршинных сажений, с полукружным алтарем и с выведением под оным восьмиугольного купола с окошками восьмью, в алтарь одним; а церкви четырема стенах скласть толщиной в один с четвертью аршин, а купола толщина в шесть вершков. В церкви и алтаре пол выстлать плотным камнем и всю церковь снутри и с наружи выштукатурить и выбелить известью» (6, д. 5, л. 20).

Камень для церкви использовали от прежнего храма, недостающую часть добывали в соседних каменоломнях. Всю работу планировали выполнить в течение 1809 г., но только в 1810 г. разобрали старый храм, а само строительство ра-

стянулось на несколько лет. При подготовке места для нового храма и расчистке горы строители наткнулись на засыпанную пещеру — остатки древнего пещерного храма, на месте которого, видимо, и был основан в 891 г. Георгиевский монастырь.

В 1814 г. церковь св. Георгия приняла верующих. Полностью же работы были завершены только в 1816 г. (6, д. 74, л. 1). Проект И. Дамошникова в процессе строительства претерпел изменения. Храм стал больше размером: длина — 7 сажени, ширина — 4 сажени. Окон оказалось десять вместо восьми. Купол церкви был установлен на цилиндрическом барабане со световыми проемами. Вход оформлен портиком с дорической колоннадой (проемы между колоннами вскоре заложат каменными стенами с дверью и четырьмя окнами с решетками в виде креста) и трехугольным фронтоном. Купол и крышу вместо черепицы покрыли железом, доставленным из Таганрога, и выкрасили зеленой краской. Рамы в окнах были чугунные, подоконники из благородного белого мрамора.

У входа в храм путешественники могли увидеть вмонтированную плиту из белого мрамора с надписью: «Создан храм сей во имя великомученика и победоносца Георгия, проректорством и благодеянием князя Александра Николаевича Голицына, помощью же адмирала Ушакова, иеромонаха Анания и многих православных христиан, трудами и стараниями митрополита Хрисанфа, 1810 года» (6, д. 177, лл. 64—65, 71—71 об).

В храме Раевские и Пушкин могли видеть деревянный резной, сверкающий позолотой иконостас, выполненный в Севастопольском адмиралтействе. Иконы Спасителя, трех святителей (Николая, Спиридона и Митрофана), семи священномучеников, в Херсоне епископствовавших, и др. были богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями. В алтаре в деревянной позолоченной раме находилась роспись (пять на четыре аршина) с изображением св. Марии Магдалины (6, д. 74, л. 3).

В монастыре также хранились старинные греческие богослужебные книги XVI — XVIII вв., некоторые другие предметы старины, археологические находки, обнаруженные в окрестностях обители (например, мраморная колонна с греческой надписью 1175 г.).

«Путевые записки» Г. В. Геракова позволяют выявить еще один предмет, который, видимо, осматривали Раевские и Пушкин в монастыре: «Митрополит Хрисанф показывал нам белый камень, отрытый при создании новой церкви, на коем

только по-гречески начертан 1747 год. Старец сам недоумевал, что бы означал сей камень» (3, с. 35).

Красивое местоположение монастыря — на высоком обрывистом берегу — было одновременно его бедой. Деятельность моря, ветров и оползней преждевременно старила строения обители. Не случайно Г. В. Гераков в своем отзыве особо подчеркивает хорошо поставленные Хрисанфом контрфорсы. Каждый новый настоятель монастыря начинал с заявления о ветхости его построек и необходимости строительных работ. Через пять лет после посещения монастыря Раевскими и Пушкиным преемник Хрисанфа митрополит Агафангел будет писать: «С вступлением моим в 1825 г. в монастырь сей в звание настоятеля застал я в нем келии монастырские, или лучше сказать лачуги, полуразрушенные, морской берег, на котором стоит монастырь, обвалившимся и угрожавшим опасности монастырю, не было в нем ни ограды, ни врат, и одна только небольшая каменная церковь и ветхие настоятельские келии составляли все здание и украшение монастыря» (6, Историческая справка, л. 2). При Агафангеле вновь будут установлены контрфорсы для укрепления берега, путь к морю облегчат каменными ступенями, произведут другие строительные работы.

С Георгиевским монастырем была связана одна легенда, поразившая воображение поэта. Из исторических источников известно, что у одного из самых древних народов Крыма, оставившего память о себе в названии полуострова, — тавров существовал культ Девы, в котором, возможно, отразились предания о легендарном народе амазонок (12, с. 21—23). Об обычаях, связанных с этим культом, подробно писал в V в. до н. э. Геродот: «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не обрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это — дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной» (7, с. 213).

Как видим, античное сознание отождествило свой культ Артемиды с Девой тавров, и местом действия широко известного предания об Ифигении, Оресте и Пиледе стала Таврия. Вспомним, что в более древнем варианте мифа об Ифигении храм, в котором она была жрицей, находился на острове Лемнос (14, с. 34). По мере расширения границ освоенного греками мира действие этого мифа (так же, как и многих других) переносилось в те места, которые оказывались далекой и мало изученной (следовательно, таинственной) окраиной цивилизации. Особую популярность в пушкинские времена этому преданию сообщало то обстоятельство, что оно стало исключительно распространенным в искусстве и литературе сюжетом, среди разработчиков которого были Еврипид и Гете. Естественно, что с присоединением Крыма к России предметом особого интереса археологов и историков стали поиски места, где располагался легендарный храм богини Девы. Тем более, что туда, по преданию, с христианской проповедью приходил один из двенадцати апостолов — св. Андрей Первозванный.

Споры вокруг проблемы местоположения храма Девы стали одним из оснований для датировки пушкинского послания, связанного с Крымом, — «Чедаеву» («К чему холодные сомненья?»). Вслед за Б. В. Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под «холодными сомненьями» подразумевается «мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у мыса Георгиевского монастыря», изложенное в его книге «Путешествие по Тавриде» (1823 г.), которую Пушкин прочел в Михайловском в 1824 г. Следовательно, стихотворение, которое поэт постоянно и настойчиво представлял как написанное в 1820 г. в Крыму, на самом деле написано в 1824 г. в Михайловском (8, т. П, с. 427—428; подробнее аргументы Б. В. Томашевского о «несомненной литературной выдумке Пушкина» см.: 13, с. 499—501).

Эта цепь умозаключений никак не может быть признана бесспорной. Ей противоречат самые разные обстоятельства, из которых важнейшими являются два. Во-первых, черновик стихотворения находится среди пушкинских записей начала 1824 г., а о присылке книги И. М. Муравьева-Апостола поэт просит брата Льва в письме от 1—10 ноября 1824 г., да еще из Тригорского (XIII, 119). 27 января 1825 г. послание уже публикуется в «Северной Пчеле» (П, 1150). Получается, что отклик на книгу появился за год до знакомства с самой книгой.

Во-вторых, И. М. Муравьев-Апостол не был единственным

полемистом в вопросе о местоположении храма, как об этом пишет Б. В. Томашевский (13, с. 499—500). Да, он был, вероятно, одним из самых непримиримых скептиков, отрицал не только наличие в окрестностях Георгиевского монастыря храма Дианы, но и вообще сомневался в какой-либо исторической достоверности самого мифа об Ифигении и ее пребывании в Тавриде (4, с. 88). Правоту его скептицизма подтвердила история. Но все же он был лишь одним из многих (и при этом не самым первым), кто обратился к этой проблеме. К какому только месту ни привязывали расположение храма. Одни отождествляли его с мысом Айя. И. П. Бларамберг полагал, что он находился у подножия Аю-Дага в местечке Партенит. Исходя из своего толкования Страбона, И. М. Муравьев-Апостол считал, что мыс Партенион со святилищем Девы должен находиться недалеко от мыса Херсонес.

Наконец, даже среди тех, кто связывал храм Девы с окрестностями Георгиевского монастыря, не было единства. Обычно пишут, что П. С. Паллас соотносил храм с развалинами, обнаруженными им между монастырем и мысом Фиолент. Следы этого мнения сохранились в современной топонимике тех мест: роца Дианы, балка Дианы, бухта Дианы. Характер пушкинского повествования («Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы») позволяет сделать вывод, что поэт принимал именно эту точку зрения. По свидетельству ряда путешественников, им, со ссылкой на П. С. Палласа, показывали заросшие травой развалины вблизи монастыря (19, с. 23).

Странно, однако, что никто из исследователей (начиная с И. М. Муравьева-Апостола) не обратил внимания на то, что П. С. Паллас указывает не одно, а три возможных места расположения храма Девы: восточнее (17, с. 98—99), западнее (17, с. 99) и севернее (17, с. 115) монастыря.

Были и другие полемисты. Ф. К. Брун полагал, что храм располагался западнее, отождествляя Партенион с мысом Фиолент. Настоятель обители Хрисанф считал, что «нигде нельзя предполагать храма Ифигении, как на месте выстроенной им церкви» (3, с. 35). Очевидно, он отождествлял с храмом открытую при строительстве монастыря пещерную церковь.

О том, что вопрос о местоположении храма был предметом оживленной и деятельной полемики, пишут и Г. В. Герарков (3, с. 35, 38—39), и И. М. Муравьев-Апостол (4, с. 86—87). Поэтому не нужно было ждать наступления 1824 г. и знакомства с книгой И. М. Муравьева-Апостола, чтобы

вступить в спор с «холодными сомнениями». Этими «сомнениями» был предостаточно насыщен 1820 год.

Думается, что в целом стихотворение было задумано именно в крымский период. Анализ пушкинской лирики каждый раз обнаруживает подлинные личные впечатления поэта, давшие толчок созданию того или иного стихотворения. В данном случае таким толчком стала полемическая разногласица мнений: настоятель монастыря был сторонником одной позиции, кто-то, сводивший Пушкина к развалинам, думал иначе. Знакомство с книгой И. М. Муравьева-Апостола, оживив былые впечатления, способствовало окончательному воплощению давно оформившегося образа. Совершенно аналогичную роль сыграло «Путешествие по Тавриде» в отношении легенды о «Митридатовой гробе» (11, с. 161—164).

Действительно, именно при осмотре развалин могла возникнуть параллель с «обломками самовластья» из первого послания «К Чадаеву» (1818). Именно для 1820 г. характерно предпочтение, оказываемое «мифологическим преданиям» перед «воспоминаниями историческими», ярким примером чего является «Бахчисарайский фонтан». В 1824 г., когда начата работа над «Борисом Годуновым», это уже, конечно, было не так.

Вряд ли следует сбрасывать со счета то обстоятельство, что сам поэт в трех публикациях стихотворения «Чадаеву» с 1825 по 1829 год специальными пометами («С морского берега Тавриды. 1820», «1820. Морской берег Тавриды») настоятельно подчеркивал факт написания послания именно в 1820 г. и именно в Крыму (II, 910, 1150). В литературе вопроса справедливо отмечено, что Пушкин, «как правило, датировал свои стихи моментом возникновения замысла и начала работы над ними» (16, с. 268).

В пользу мнения, что замысел стихотворения вызревал у Пушкина задолго до 1824 г., косвенно говорит следующее обстоятельство. Описание храма Девы, вложенное в уста старого тавра, оставил Овидий, изгнанный из Рима в город Томы (на месте нынешней Констанцы, Румыния). Заметим, что это латинизированное описание (так же, как и эллинизированное описание храма, оставленное Еврипидом) — сугубо литературный факт. «В реальности же такого храма не было, так как греческий полис Херсонес, находившийся на границах с таврами, мог начать строительство монументальных храмов в тот период, когда в литературе уже существовало его описание» (14, с. 35).

В овидиевском описании есть одна очень выразительная деталь:

«Камень алтарный, что был по природе своей
белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив»
(9, с. 126).

У И. М. Муравьева-Апостола свидетельство Овидия даже не упоминается. А в черновых редакциях стихотворения Пушкина прорабатывались варианты упоминания об этом алтаре: «Вот он, сей алтарь», «Вот он, вот алтарь», «Здесь был алтарь, где совершилось» (II, 909). Не исключено, что появление этих вариантов — след разъяснений неведомого нам провожатого возле «баснословных развалин». Но они также — результат изучения Овидия в кишиневский период:

«Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял (...)»
(«К Овидию», II, 219).

Пушкинское послание очень созвучно Овидию не только фактическими деталями (например, уже отмеченный алтарь*, сюжетные совпадения в изложении мифа, последовательно нагнетаемая атмосфера мрачного и кровавого действия жертвоприношения, упоминание «дивного храма» и ряд других моментов), но и общим пафосом. Овидий, переживший, как и Пушкин, предательство неверных друзей, делает акцент на стойкой верности душ Ореста и Пилада. Совершенно так же и пафос стихотворения Пушкина. Случайное совпадение здесь тем более маловероятно, что письмо № 2 из третьей книги «Писем с Понта» в том же 1824 г. было в кругу внимания поэта в связи с работой над «Цыганами»: «По-видимому, именно это стихотворение с античным мифом в устах варвара побудило Пушкина в «Цыганах» вложить такое же предание о самом Овидии в уста старого цыгана» (9, с. 250; ср. 13, с. 500—501).

В тезисах доклада Н. М. Ботвинник, посвященных реминисценциям интересующего нас послания Пушкина из Овидия (18, с. 34—34), приведены дополнительные аргументы в пользу того, что пушкинский текст вырастает из знакомства с изложенной у Овидия легендой об Ифигении, точнее — со стилистикой этого изложения. Н. М. Ботвинник полагает, что определенные параллели в тексте Овидия находят и пушкинские «холодные сомненья», и формула «святое дружбы торжество», и так называемый гипербат (типичная для латин-

* Пушкинские поиски в черновиках стихотворения строго соответствуют тексту Овидия, у которого в оригинале, нет никакого «камня алтарного», а есть именно «алтарь» (12, с. 19).

ской поэзии расстановка слов) в построении фразы «И душ великих божество // Своим созданием возгордилось», что значит: божество возгордилось созданием великих душ. Правда, С. А. Фомичев высказал мнение, что ряд этих формул восходит к поэме С. С. Боброва «Таврида», которую Пушкин читал в Молдавии (15, с. 83). Но возможно и иное объяснение: то же «дружбы торжество» и у С. С. Боброва, и у Пушкина одинаково восходят к Овидию, «переведенному» поэтами на язык своей романтической эпохи.

Все изложенное выше свидетельствует, что 1824 г. стал лишь результатом долгого процесса рождения стихотворения, берущего свое начало у стен Георгиевского монастыря.

Пушкин косвенно вспомнит о Георгиевском монастыре и храме Дианы еще раз в 1829 г. в «Путешествии Онегина», говоря о посещении героем романа Тавриды:

Воображенью край священный:

С Атридом спорил там Пилад (...)

(VI, 199)

И опять главный акцент сделан поэтом на теме верности.

«Записки» Г. В. Геракова помогают приоткрыть завесу над весьма актуальной и, к сожалению, мало разработанной проблемой — окружения Пушкина в Крыму. Автор «Записок» (в отличие, например, от И. М. Муравьева-Апостола) говорит об обитателях монастыря и, в частности, называет греческого митрополита Хрисанфа, личность яркую и достаточно известную. К сожалению, в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» упоминания о гостеприимном хозяине, принимавшем Раевских и Пушкина в Георгиевском монастыре, нет. Приведем некоторые сведения об этом человеке.

В сентябре 1820 года ему было 88 лет. Г. В. Гераков писал о нем: «Весело было душе моей внимать словам старца, уже готового соединиться с перстием и духом возлететь к Несозданному. Он бодр еще, несмотря на то, что обтек Индостан, берега Малабарские и Коромандельские, Персию и Бухарию, часто был гоним судьбою; все почти европейские государства видели у себя сего почтенного архипастыря» (3, с. 35). Мы не располагаем документальными свидетельствами о заграничных странствиях Хрисанфа. Известно лишь, что в 1759 году в Бухаресте Хрисанф постриг в монашество будущего настоятеля Георгиевского монастыря — игумена Анфима (6, д. 3).

Прибыл Хрисанф в Севастополь в 1804—1805 гг. из Индии (6, д. 3). В городе жила его племянница (6, д. 37) и, очевидно, почтенный старец остановился у нее. В 1806 г. Хрисанф

купил дом неподалеку от монастыря (6, д. 37). В монастыре он поселился в 1806—1807 гг. В 1808 г., после смерти настоятеля Дионисия, Хрисанф «ведаль» какое-то время обителью до назначением нового настоятеля — архимандрита Евтихия. Официальным главой монастыря Хрисанф стал весной 1810 г. Митрополит, по отзывам современников, был рачительным хозяином. Он умер 18 февраля 1824 г., похоронен близ старой колокольни на скале. Его склеп сохранился до сих пор.

В «Путевых записках» Г. В. Геракова других имен, кроме Хрисанфа, нет. Но есть сообщение, что всего в монастыре «десять монахов, греков, пришедших из разных стран греческих, и один малороссиянец» (3, с. 36). «Формулярные ведомости» за 1820 г. позволяют установить, что в монастыре числились следующие служители: иеромонахи Парфений (35 лет), Платон (45 лет), Моисей (49 лет), Исаакий (54 лет) и Гервасий (?), вольные священники Симеон Соколовский (30 лет) и Григорий Деминовский (45 лет), а также три послушника—Иван Павлов (74 лет), Георгий Митриев (78 лет) и Дмитрий Чернов (83 лет) (6, д. 29). Всего десять человек. Называемая Г. В. Гераковым цифра — одиннадцать — получается, если мы примем во внимание иеромонаха Иоанна, уволенного из Георгиевского монастыря в другой монастырь 30 августа 1820 г.

Иеромонахи и священники входили в число флотского духовенства в соответствии с высочайше утвержденным решением Синода от 23 марта 1808 г. Этим решением было определено иметь в Георгиевском монастыре для нужд Черноморского флота 13 иеромонахов. Решение не выполнялось. В навигацию 1820 г. на 74-пушечном корабле «Максим Исповедник» ушел 11 июня в море иеромонах Платон. На аналогичном корабле «Лесной» священник Симеон Соколовский (10, д. 1271, л. 26 об). В конце июня Хрисанф дополнительно присылает на эскадру только-только переведенного в монастырь иеромонаха Исаакия, которого определяют на корабль «Скорый» (10, д. 1271, л. 42).

Но без священнослужителя проплавал навигацию 74-пушечный корабль «Николай», на котором держал свой флаг, прибывая на эскадру, главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А. С. Грейг. Так и не смогли найти иеромонаха на корабль «Норд-Адлер», отправившийся в дальнейшее плавание с незаполненной вакансией. И т. д.

Кто из служителей монастыря был на месте во время посещения обители Раевскими и Пушкиным?

Иеромонахи Платон и Исаакий, а также священник Симеон Соколовский были списаны на берег по окончании летнего

плавания 31 августа 1820 г. (10, д. 1271, л. 174—174 об, 209—209 об). Следовательно, с 1 сентября они уже были в монастыре.

Видимо, не было в обители иеромонаха Гервасия, который числился при гребном флоте и нес службу за пределами Георгиевского монастыря. Он ежегодно присылал отчеты о своей службе.

Все остальные на начало сентября были в Георгиевском монастыре. По крайней мере, подписи Платона, Моисея, Исакия, Парфения, Симеона Соколовского и Григория Деминовского стоят под обязательством от 18 сентября 1820 г. «проходить звание свое благочестиво» (6, д. 28, л. 10). Следовательно, все они могли видеть и общаться с Раевскими и Пушкиным.

Кто из монахов мог быть спутником поэта в его экскурсии по окрестностям монастыря?

Если сам монастырь путешественникам мог показывать митрополит Хрисанф, то для прогулок по окрестностям препятствием был его почтенный возраст — 88 лет. Однозначно отпадают и трое послушников как люди преклонного возраста и, к тому же, совершенно необразованные. Нигде не обучался иеромонах Исаакий, переведенный в монастырь лишь в мае 1820 г. и все лето проведенный в походе с эскадрой. Он просто сам еще не знал ни истории монастыря, ни его окрестностей. Не знал древних языков иеромонах Моисей, так же, как и Парфений, переведенный в обитель в январе 1820 г. Видимо, следует исключить из числа возможных провожатых и вольного священника Григория (очевидно, это тот самый монах — «малороссиянец», упоминаемый Г. В. Герарковым), т. к. он был переведен в монастырь лишь 25 мая 1820 г.

Два человека являются наиболее подходящими кандидатурами: иеромонах Платон и вольный священник Симеон Соколовский. Оба они из семьи священников, оба обучались в Киевской духовной академии классическим языкам, риторике, грамматике, поэзии, истории, географии, философии и арифметике. Поэтому у них мог быть интерес к прошлому монастыря и возможность глубже знакомиться с этим прошлым с помощью древних авторов. Но кандидатуру Симеона Соколовского, видимо, следует снять, т. к. он попал в Георгиевский монастырь только в конце февраля 1820 г. и все лето провел в походе. Платон же был из числа старожилов — он в монастыре с сентября 1810 г., т. е. со времени вступления в должность главы обители Хрисанфа. Скорее всего именно ему митрополит доверял исполнение самых ответственных

дел, в частности, «экскурсии» с именитыми гостями монастыря.

Сохранившиеся «Книги» Балаклавского Георгиевского монастыря о приходе, расходе и остатке флотской суммы за 1820 г. позволяют выяснить, что было закуплено из провизии незадолго до приезда Раевских и Пушкина, а значит, чем кормили наших путешественников 6—7 сентября.

В августе для монастыря были закуплены говяжье сало, сахар, сок, чай, кофе, икра, лук. 19 августа Парфений делает новые закупки — 3 фунта маслин (около 1,5 кг), 3 фунта пшена (в следующий раз его закупают в таком же количестве 12 сентября), 11 фунтов (около 4,5 кг) коровьего масла, пуд (свыше 16 кг) масла конопляного. Всегда в монастыре было парное молоко из своего коровника и свежий виноград со своего виноградника. У балаклавских греков 4 сентября (вероятно, это уже делал вернувшийся из плавания Платон) в очередной раз закупили свежей рыбы на довольно большую сумму — 4 рубля (для сравнения: 17 августа рыбы закупили на 1 рубль, 19 августа — на 1 рубль), которая, судя по всему, быстро разошлась, т. к. 7 сентября, в день отъезда Раевских и Пушкина, свежую рыбу закупили вновь — на 2 рубля (6, дд. 30—31). Как видим, стол в монастыре был достаточно обильный и разнообразный.

Где Раевские и Пушкин расположились на ночлег?

Хрисанф, конечно, старался оказать им гостеприимство, но сделать это было не просто. В обветшалой гостинице, построенной на склоне горы к 1806 г., слева от храма, имелось всего лишь несколько комнат-келий с земляным полом. Пришлось довольствоваться этим.

В «Летописи» есть следующая запись: «Заезжают на мыс Фиолент (вблизи Георгиевского монастыря)». Непонятно, на чем она основана. Мыс Фиолент отстоит от монастыря на 3—4 версты (5, с. 729—730). Поэтому никаким особым путешествием посещение его стать не могло. Если Пушкин посетил балку Дианы, то он преодолел половину этого расстояния.

7 сентября Раевские и Пушкин, минуя Севастополь, отправились старым екатерининским трактом мимо Мангупа на Бахчисарай и Симферополь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — Т. 1. — М.: АН СССР. 1951.
2. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Л.: Наука, 1991.
3. Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям 1820 и начала 1821. — Петроград, 1830.

4. **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие по Тавриде в 1820 году — СПб, 1823.
5. **Россия.** Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. / Под ред. В. П. Семенова-Тяншанского. — Т. XIV, «Новороссия и Крым» — СПб., 1910.
6. **Севастопольский городской государственный архив (СГГА), ф. 20, оп. 1.**
7. **Геродот.** История. В девяти книгах. — Л.: Наука, 1972.
8. **Пушкин А. С.** Полн. собр соч: В 10-ти тт. — М. — Л.: АН СССР, 1949.
9. **Овидий.** Скорбные элегии. Письма с Понта — М.: Наука, 1982.
10. **Центральный государственный архив (ЦГА) ВМФ, ф. 243, оп. 1.**
11. **Казарин В. П., Яковенко Э. В.** Пушкин и легенда о «Митридатом гробе» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. II — Симферополь: Таврия, 1991.
12. **Фадеева Т. М.** По горному Крыму. — М.: Искусство, 1987.
13. **Томашевский Б. В.** Пушкин. — Кн. 1 (1813 — 1824) — М. — Л.: АН СССР, 1956.
14. **Скржинская М. В.** Отражение одного образа у Пушкина, Овидия и Еврипида // Пушкин и Крым: Тезисы докладов. — Симферополь, 1989.
15. **Фомичев С. А.** Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. — Л.: Наука, 1986.
16. **Громбах С.** О датировке стихотворения Пушкина «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья...») // Изв. АН СССР, Сер. лит и языка, 1980, № 3.
17. **Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах** // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1881.
18. **Ботвинник Н. М.** Реминисценции из Овидия в стихотворении А. С. Пушкина «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья») // П. Крымские Пушкинские чтения. Материалы. — Ч. 2. — Симферополь, 1993. — С. 33—34.
19. **Броневский В.** Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году. — Тула, 1822.

Пушкин и Бахчисарай

Исследователи неоднократно отмечали, что тема Востока проходит через все творчество Пушкина, но из всех регионов мусульманского Востока Пушкин побывал только на Кавказе и в Крыму.

Отметим, что с конца XVIII в. Крым начинает постепенно терять свой восточный колорит: появляются имения и дачи русских помещиков, строятся новые города — Симферополь и Севастополь. В то же время Бахчисарай оставался настоящим восточным городом, полностью сохранившим свой облик. На это обратил внимание французский дипломат граф Сегюр, сопровождавший Екатерину II во время ее путешествия в Крым.¹

В поэзии Пушкин называл Крым «полуденным берегом», «брегами Тавриды», «Тавридой», «брегами веселого Салгира», но Бахчисарай поэт всегда выделял особо: «Скажи, фонтан Бахчисарая», «Увы, Дворец Бахчисарая // Скрывает юную княжну», или «Порой восточный красноруб // Здесь развивал свои тетради // И удивлял Бахчисарай.»²

«Книжный» Восток времен «Руслана и Людмилы», который возник во многом под влиянием сказок «Тысячи и одной ночи», восточных повестей Вольтера, публикаций на восточную тему в русских журналах, театральных постановок, превратился в реальный живой мир.³

После путешествия по Кавказу и Крыму с семьей Раевских Пушкин начинает раскрывать тему Востока в качественно ином ключе: романтически-восторженно, но опираясь на вполне конкретные, реальные впечатления и воспоминания. Это происходит потому, что впервые поэт столкнулся с миром Востока не в книгах, не на театральной сцене, а своими глазами увидел этот мир.

Академик С. Ф. Платонов заметил: «Есть основание думать, что, несмотря на светлые воспоминания и восторженные отзывы о Крыме, Пушкин испытывал некоторую неудовлетворенность своим отношением к Крыму и чувствовал внутреннее недовольство тем, как он на первых порах держался у берегов Тавриды». С. Ф. Платонов обратил внимание, что в письме к Дельвигу, где Пушкин описывает свое путешествие, видно это внутреннее недовольство. У так называемой Митридатовой гробницы сорванный для памяти цветок на другой день потерял без всякого сожаления, развалины Пантикапея, не сильно подействовали на воображение, о Чатырдаге, увиденном с моря, поэт говорит: «Я не различал его да и не любопытствовал», а переход по скалам Кикенеиза «не оставил ни малейшего следа в .. памяти».

То же и о Бахчисарае: «Я обошел дворец с большой досадою...» и «None почти насильно повел меня по ветхой лестнице...»³

Но в этом же письме к Дельвигу Пушкин говорит: «Растолкуй мне теперь: почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня пре-

леть неизъяснимую? От чего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?

Или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?»⁴

В первом черновом варианте этого письма Пушкин пропустил слово «берег» и текст звучал так: «Растолкуй же мне теперь: почему полуостровный Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?»⁵

Так же меняется со временем и отношение Пушкина к книге «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола. В письмах к П. А. Вяземскому Пушкин говорит о ней без особого восторга: «...Посмотри в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что поспоснее (и) он имеет на бумаге свое достоинство.» (черновик письма от 4 ноября 1823 г.)⁶.

В другом письме, которое Пушкин отправил П. А. Вяземскому через полтора месяца, поэт говорит еще более резко: «Апостол напечатал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впрочем, ожидать его нечего».⁷

В 1824 году после прочтения книги И. М. Муравьева-Апостола отношение Пушкина к этому труду меняется. В письме к А. А. Дельвигу (черновой вариант) поэт говорит, что «Путешествие по Тавриде» он прочел с жадностью и чрезвычайным удовольствием.⁸ Пушкин сожалеет, что им не удалось встретиться в Крыму, отдает должное обширным познаниям И. М. Муравьева-Апостола и говорит, что «Путешествие по Тавриде» оживило в нем много воспоминаний.

Чем же объяснить «недовольство» Пушкина (по С. Ф. Платонову) и его недостаточно восторженное на первых порах восприятие реального Востока, в частности Бахчисарая?

Попробуем объяснить это с точки зрения психологии художественного творчества и восприятия. Что увидел Пушкин в Бахчисарае? «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истекает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. „Развалины паремь“»⁹

Как не похожи эти развалины на пышные дворцы халифов из «Тысячи и одной ночи!» А ведь именно такой позолоченно-сказочный Восток Пушкин изобразил в «Руслане и Людмиле». Недовольство Пушкина — это скорей всего детская обида за обманутые ожидания. Воображаемый и реальный Восток столкнулись для Пушкина именно в Бахчисарае, и понадобилось какое-то время, чтобы реальность победила в сознании поэта, заняла главенствующее место над Востоком воображаемым, и уже на этой реальной почве расцветут фантазии самого Пушкина как качественно новое восприятие и осмысление реально увиденного, осязаемого Востока.

В Бахчисарае Пушкин встретился с новым для себя миром — миром мусульманской культуры. Этот мир, бывший вначале загадкой для него,

захватил Пушкина Поэма «Бахчисарайский фонтан» вскрыла верхний слой этой загадки, но Пушкин чувствовал, что все намного сложнее и глубже.

В «Бахчисарайском фонтане», самой романтической из его романтических поэм, Пушкин стремится к документальной точности. Поэт подчеркивает, что видел своими глазами «в забвении дремлющий дворец». «Я видел ветхие решетки...», «Я видел ханское кладбище...»¹⁰.

В Бахчисарай Пушкин приехал 7 сентября, на второй день мусульманского праздника Курбан-байрам.¹² В литературе неоднократно отмечалось, что описание этого праздника, увиденного в Крыму, поэт использовал в «Кавказском пленнике». Но и в «Бахчисарайском фонтане» есть одна деталь, говорящая, что Пушкин был в Бахчисарае во время Курбан-байрама.

Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.¹³

Эти строки говорят о том, что Пушкин увидел во время праздника женщин, которые по старой традиции ходили в гости к родственникам и соседям с угощениями. Курбан (жертва) «у достаточных мусульман во всех магометанских землях сопровождался закланием баранов и раздачей их мяса бедным».¹⁴

Г. В. Гераков, который был в Бахчисарае 19 сентября, то есть через несколько дней после Пушкина, писал: «Ходил по городу, погода была ясная, теплая, но ни одного лица женского не встретил; точно по азиатски — не пускают жең и дочерей своих глазеть на чужих».¹⁵

Таким образом это подтверждает, что Пушкин был в Бахчисарае именно в праздничный день, так как в обычный день он вряд ли увидел бы на улицах города такое количество мусульманских женщин.

Точен Пушкин не только в зримых географических и этнографических реалиях. «Именно в «Бахчисарайском фонтане», — справедливо отметила Л. Тартаковская, — Пушкину удалось впервые подойти к решению проблемы искусства — к созданию рационально детерминированного (в данном случае восточного) характера, к тому национальному перевоплощению, какого требовал от него сам выход в мир человека иного народа. Имеется в виду «Татарская песня» в «Бахчисарайском фонтане». «Татарская песня».. построена по принципу национальной трансформации, основанной на воплощении во всей образной структуре восточного (точнее — коранического типа мышления). Это относится как к конкретным деяниям человека, запечатленным в песне, так и отраженной в ней общей системе восприятия мира..

Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед;
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.

Читатель сразу перенесен в мир восприятия мусульманина, для которого странствование в Мекку (в Коране есть сура под таким названием) действительно было преддверием вознесения на небо, ибо хаджи (Пушкин неточно употребил слово «факир» вместо «хаджа», очевидно, неизвестного Пушкину), автоматически зачисляются в праведники.

Затем Пушкин делает попытку подняться на следующую ступень этого мироощущения.

Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит:
Ему навстречу дева рая
с улыбкой страстной полетит.

Каждая строчка здесь весома, несмотря на кажущуюся «романтическую» легкость мысли. Вначале речь идет о войне греков с турками — христиан с мусульманами, которая воспринималась самим Пушкиным как справедливая борьба древнего народа за свою независимость. Но в «Татарской песне» проблема решается человеком как бы противоположного типа мышления. Художник здесь совершенно отстраняется от своих личных, нравственных, политических, рациональных ощущений, по существу полностью преображаясь в мусульманина. Ведь именно в мусульманском кодексе утверждается, что райское блаженство, даруемое праведнику, связано в первую очередь с ласками женщин.

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя.

Гипертрофия чувства любви — на этом построена не только третья строфа «Татарской песни», но и вся поэма «Бахчисарайский фонтан» — свойственна и великим поэтам Востока, воспевшим высокую и земную страсть к женщине. Эта мысль четко прослеживается в поэзии Рудаки, Хайяма, Саади и других восточных лириков.

Пушкин, великолепно знавший восточных поэтов, возможно, пошел здесь за ними, поставив любовь к земной женщине выше счастья паломника и праведника, павшего за веру.¹⁶ Стремление Пушкина к «документальной» достоверности настолько остро, что он просит П. А. Вяземского написать предисловие или послесловие к «Бахчисарайскому фонтану», просит его же сделать выписки из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола и еще посылает некое «полицейское послание яко материал».¹⁷

При публикации первого издания «Бахчисарайского фонтана» в 1824 году в приложении к поэме была напечатана «Выписка из путешеств-

вия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, а вместо предисловия к поэме был помещен П. А. Вяземским его манифест романтизма «Вместо предисловия, Разговор между издателем и классиком с Выборской стороны или с Васильевского острова».

П. А. Вяземский писал: «Предание, известное в Крыму и поныне, служит основанием поэмы. Рассказывают, что хан Керим-Гирей похитил красавицу Потоцкую и содержал ее в Бахчисарайском гареме; полагают даже, что он был обвенчан с нею. Предание сие сомнительное, и г. Муравьев-Апостол в путешествии своем по Тавриде, недавно изданном, восстает против... вероятия сего рассказа (имеется в виду сомнение И. М. Муравьева-Апостола в том, что во второй половине XVIII в. крымские ханы могли похитить женщину из рода Потоцких. — А. Б.). Как бы то ни было, сие предание есть достояние поэзии... — продолжает Вяземский, — и наш поэт очень хорошо сделал, присвоив поэзии Бахчисарайское предание и обогатив его правдоподобными вымыслами».¹⁸ Об этом «бахчисарайском предании» А. П. Гроссман очень точно сказал: «Таков был первоисточник поэмы, зарождение «Бахчисарайского фонтана», момент переключения народного сказания в новое искусство лироэпического повествования».¹⁹

Вяземский-издатель в «Выписку из путешествия по Тавриде» не включил перевод надписи на фонтане слез, которую приводит И. М. Муравьев-Апостол: «Слава всевышнему Богу. Развеселилось вновь лицо Бахчисарая, благотворным о нем попечением Светлейшего Керим-Гирея Хана. Он-то утолил жажду страны своей щедрою рукою и тщится еще вящее оказать благоденствие, когда будет на то помощь Божия. Попечительным стараниям своим он открыл славный ток воды. Видали мы города Шам? и Багдат, но такого прекрасного фонтана нигде не видывали. Сочиняющий надпись сию писец, по имени Шейхий, Человек томимый жаждою, сквозь воду, из тоненькой, как палец его, трубки истекающую, прочтешь начертание сие на фонтане. Но что же она гласит? Прийди, пей сию прозрачную воду из самого чистого источника текущую: она здравие дает...»²⁰

То, что этот перевод не попал в «Выписку...», можно объяснить: в надписи ничего не говорится о таинственной любви хана, а это, полагал П. А. Вяземский, слишком прозаически разрушило бы «поэзию бахчисарайского предания», что не соответствовало бы романтической задаче.

В литературе принято считать, что знатных путешественников сопровождали по дворцу местные жители и они же переводили надписи. «Вопрошать мрамор Пушкин мог голько через своего путеводителя-татарина, прочесть хвалу дальней стране, т. е. Дамаску и Багдаду, поэт мог лишь в устном переводе своего ученого спутника, только от него автор «Бахчисарайского фонтана» мог узнать, что этот ханский памятник польской княжне не называет его имени».²¹

Это не совсем так. Опять обратимся к И. М. Муравьеву-Апостолу: «Переводом сей и следующих надписей я обязан г-ну Ананьичу, бахчи...

сарайскому полицмейстеру. Он для сего употребил одного муллу, знающего арабский язык; но как язык сей неизвестен ни г-ну Ананьичу, ни мне, то за исправность перевода я ручаться не смею». ²²

В переводе надписи на фонтане слез, которую приводит в «Путешествии...» И. М. Муравьев-Апостол, упоминаются города Шам и Багдат, В сносках И. М. Муравьев-Апостол пишет: «Я оставил Шам так, как он написан в переводе; но какой тут город разумеется, этого отгадать не могу». ²³

Шам в переводе с арабского — Сирия, Дамаск. И если бы путешественника сопровождал «ученый мулла, знающий арабский язык», то легко мог бы разъяснить недоразумение.

И. М. Муравьев-Апостол подчеркивает, что оставил Шам так, как он написан в переводе у полицмейстера Ананьича, который и сопровождал И. М. Муравьева-Апостола по дворцу.

В связи с переводами надписей на русский язык И. М. Муравьев-Апостол еще раз упоминает Ананьича, когда пишет о дюрбе на ханском кладбище: «...над некоторыми (памятниками. — А. Б.) ерлыки на русском языке с именами лежащих под ними, и этим мы обязаны единственно старанию нынешнего бахчисарайского полицмейстера г. Ананьича». ²⁴

Вспоминает Ананьича и Г. В. Гераков: «Городничий, или полицмейстер Ананьич, приготовил для меня покои во дворце по приказанию губернатора, был на отъезде в свои недавно купленные хутора: я, за учтивость его ко мне просил ехать и остался на руках частного пристава Грека Константина Ивановича, который водил меня по дворцу». ²⁵

Из этого текста мы явно видим, что сопровождать по дворцу Г. В. Геракова должен был полицмейстер Ананьич. Он же перепоручает присмотр за гостем тоже государственному чиновнику, своему непосредственному подчиненному частному приставу Константину Ивановичу.

Г. В. Гераков, который педантично записывал чины и должности всех, с кем сталкивался во время путешествия, с сомнением говорит об Ананьиче: «Городничий или полицмейстер». Действительно, полицмейстер (полицейстер) — в России с 1782 г. начальник полиции губернского города, ему подчинялись частные приставы. ²⁶ Городничий — прежде начальник полиции уездных городов. ²⁷ Бахчисарай же город уездный — это-то и смущало Г. В. Геракова.

И. М. Муравьев-Апостол называет Ананьича полицмейстером, сам Ананьич в документах, отправляемых на имя губернатора, подписывается «Полицейстер смотритель...»

В письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года Пушкин пишет: «.. прилагаю при сем полицейское послание, яко материал: почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике)». ²⁸

Е. Л. Модзалевский, комментируя это письмо, писал: «Какое «полицейское послание» приложил Пушкин к письму неизвестно». ²⁹

Автором полицейского послания скорей всего был бахчисарайский

полицмейстер Ананьич, который по долгу службы и просто из любознательности пытался получить какие-то знания о дворце, а главное — имел записи (переводы надписей), которыми делился со своими гостями.

Пушкин с Раевским, Г. В. Гераков и И. М. Муравьев-Апостол почти в одно время были в Бахчисарае. И наиболее вероятно, что знаменитого генерала с его спутниками принимал, водил по дворцу и читал заготовленные ученым муллой переводы надписей на стенах дворца и на фонтанах полицмейстер Ананьич.

В письме к Дельвигу Пушкин говорит о том, что «прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана», имея в виду фонтан слез. И в этот же письме: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался».³⁰ В первом черновом варианте письма Пушкин даже пишет, что и не знал о существовании мавзолея.³¹

До Пушкина легенду о романтической любви хана связывали только с мавзолеем (дюрбе) Диляры-Бикеч. Еще была известна Эмиль-Джами (Зеленая мечеть), которая тоже посвящена этой женщине. Но никто из путешественников конца XVIII—начала XIX вв. не связывал фонтан слез с именем Диляры.

И. М. Муравьев-Апостол упоминает этот фонтан, даже приводит в «Путешествии...» перевод надписи на нем. Но он не связывает его с легендой, хотя в Саблах, в имении А. М. Бороздина, встречается с семьей Раевских, которые, если бы знали, могли рассказать ему о фонтане слез.

И. М. Муравьев-Апостол в связи с легендой вспоминает только дюрбе: «...бесстрастный Керим соорудил любезной памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешать слезами над прахом незабвенной».³²

Одно из первых упоминаний о таинственной любви хана мы встречаем у английской путешественницы Е. Кравен еще в 1786 году, но она пишет только о мавзолее: «Из моих окошек я увидела род купола, который возбудил во мне любопытство, и узнала, что хан соорудил его в память своей жены христианки, которую он так нежно любил, что по смерти ее не мог утешиться. Он для того поставил этот монумент, чтобы часто наслаждаться удовольствием, видя место, заключающее в себе драгоценные и любезнейшие для него останки».

По чувствительности этого татарского хана я заключила, что он имеет сердце, достойное быть любимым христианскою супругою».³³

Через семь лет, в 1793 году, академик Паллас пишет об этом дюрбе: «Над верхним фруктовым садом стоит куполообразный мавзолей с золотым шаром над куполом: здесь похоронена грузинка, жена храброго хана Крым-Гирея».³⁴ Фонтан слез Паллас особо не выделяет, он упоминает о нем в одном ряду с другими достопримечательностями дворца: «Здесь и находился вход в самый дворец, через первые сени налево, в углу, в которых плещет фонтан».³⁵

П. Сумароков тоже не связывает этот фонтан с легендой, хотя с дюрбе он пишет: «Немного подалее виден еще каменный купол, воздвигнутый над прахом одной ханской жены христианки, которая им страстно была любима».³⁶

После выхода в свет «Бахчисарайского фонтана» центром внимания почти всех путешественников стал фонтан слез. Пушкинская поэма стала как бы путеводителем по дворцу.

Все путешественники, начиная с П. П. Свиньина, постоянно цитируют поэму. Об этом хорошо сказал В. Пассек: «Из всех фонтанов случай сделал любимым фонтан слез.. Мечта поэта в живых прекрасных картинках представила наш Восток и теперь привлекает внимание всех путешественников к Бахчисарайскому фонтану».³⁷

Легенда о фонтане Слез стала обростать новыми, ничем не обоснованными подробностями и деталями.

Например, Олимпиада Шишкина в «Заметках и воспоминаниях русской путешественницы по России в 1845 году» пишет: «Поблизости показываю две небольшие горницы с особым входом, будто бы принадлежавшие Марии Потоцкой, с которой беспрерывно вспоминают в Бахчисарае».³⁸

Появилась легенда, что Малая дворцовая мечеть была превращена в молельню для ханской жены. Об этом тоже пишет О. Шишкина: «Из тех же сеней с фонтанами вход и в домовую мечеть, основанную Селамет-Гиреем в 1740 году. В ней внизу окна в сад, где бассейн и еще несколько окон вверх. Она совсем оставлена и, кажется, невозможно, чтобы тут в ханском дворце была когда-нибудь, как иначе многие думают, церковь для любимой же и Марии, как называл ее Пушкин, или Диляры, как зовут татары».³⁹

Даже во второй половине XIX в. во дворце рассказывали о комнатах Потоцкой, о ее молельне. В «Воспоминаниях о Крыме» княгини Ел. Горчаковой мы встречаем тот же сюжет, даже найдена «темница», где якобы заперта сидела Мария Потоцкая: «..внизу, не с противоположной стороны дворца, большая круглая комната, или ротонда: это темница Марии Потоцкой, в которой она томилась почти год, пока ее тайно не извела ее соперница Феря, любимая жена хана. Вот легенда, сохранившаяся до сих пор в татарском народе, как предание, и так поэтично переданная нам Пушкиным в его «Бахчисарайском фонтане».⁴⁰

«Бахчисарайский фонтан» Пушкина имел такую силу воздействия на читателей, что они во дворце искали и находили бытовые реалии, подтверждающие существование романтических героев поэмы.

Психологически это вполне объяснимо: есть фонтан и памятник (дюрбе) — реалии, подтверждающие смерть героини; значит должны быть реалии, подтверждающие ее жизнь. То есть, если есть могила, то должна быть жизнь, предшествующая ее смерти.

В данном случае мы наблюдаем как бы психологическую инверсию. Движение от реалий смерти к реалиям жизни.

По легенде во дворце жила женщина, которая должна оставить свои приметы приспособленности к чужому быту, к чужому укладу. Фантазия услужливо подсказывает нам модельню из-за ее близости к фонтану слез; две небольшие комнаты в личных покоях хана превращаются в покои Марии Потоцкой, а невинная ротонда (скорее всего беседка Селямет-Гирея) становится темницей, где почти год томилась геронья.

Из строк стихотворения осени 1824 года:

Фонтан любви, фонтан печальный
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней,
Но о Марии ты молчал..

Видно, что поэт был знаком с переводом надписи на фонтане слез.

К надписи на фонтане слез Пушкин неоднократно обращался и позже.

Отрывок 30-х годов «Сей белокаменный фонтан» большинство исследователей справедливо связывают с Крымом. Б. В. Томашевский в примечаниях к этому незаконченному стихотворению писал: «Отрывок — воспроизведение надписи на крымском фонтане (вероятно, на Гурзуфском).⁴¹

Этот отрывок — описание одного из типов восточных фонтанов, которые часто встречались в Турции, Крыму, на Кавказе; он соответствует описанию таких фонтанов турецким исследователем Д. Эссадом: «Поэты старались уместить в последнем полустиишье свое имя, имя основателя и дату. Эти стихи, вырезанные на камне буквами, служат большим украшением, благодаря декоративной форме восточных писем».⁴²

У Пушкина читаем:

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
Сооружен и изваян..⁴³

Следующие строчки: «Железный ковшик.. // цепью прищепленный». — соответствуют описанию Д. Эссадом привешанных на цепочках к фонтану бронзовых стаканчиков, из которых пьют прохожие.⁴⁴

Интересен у Пушкина и перечень людей, которые посещают фонтан:

Кто б ни был ты; пастух,
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей..⁴⁵

Пастух и странник — герои, встречающиеся в русском и восточном фольклоре, можно даже рассматривать их как библейских героев (например, Иаков из бедного, бездомного странника превращается в пастуха, а затем во владельца многочисленных стад скота).

Рыбак выбивается из этого перечня, и это еще раз может служить доказательством того, что отрывок связан с Крымом, а не с Кавказом. На Кавказе Пушкин почти не встречается моря, а в Крыму он проезжает

через Керчь, Феодосию, Гурзуф, Георгиевский монастырь. В этих местах ремесло рыоака было одно из самых распространенных.

Строчка «приди и пей» почти буквально совпадает с известным Пушкину переводом надписи на фонтане слез: «Прийди, пей сию прозрачную воду...» Кроме того, отрывок «Сей белокаменный фонтан» — еще одна из реминисценции эпитафии из Саади к «бахчисарайскому фонтану»: «многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече».

искусство, философия, жизнь Востока на каждом из этапов творчества Пушкина раскрывались все глубже и глубже. Очень интересно в этом плане стихотворение «Что в имени тебе моем». Оно посвящено Каролине Собаньской и записано в ее альбоме. У Пушкина и Собаньской были общие крымские воспоминания. Собаньская в 1825 г. путешествовала по Крыму вместе с Адамом Мицкевичем, а позже некоторое время жила в Корейзе в имении сестры Н. С. Всевожского княгини А. С. Голицыной.

Стихотворение написано в 1830 г., уже после второго путешествия на Кавказ, но и в нем можно найти ассоциации с Бахчисарайским дворцом.

Вторая строфа: «Оно на памятном листе // Оставит мертвый след, подобный // узору надписи надгробной // На непонятном языке». Эти строчки могли ассоциироваться с ханским кладбищем в Бахчисарае. Европейские языки Пушкину и его современникам были хорошо знакомы, а «узор надписи надгробной» — скорее всего арабская вязь эпитафий мусульманского кладбища.

О надписи «на непонятном языке» Пушкин писал и в «Бахчисарайском фонтане».

Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она,
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода...⁴⁷

Чуждые черты надписи на фонтане слез, возможно, трансформировались в узор «надписи надгробной на непонятном языке», в стихотворении «Что в имени тебе моем».

Разумеется, могильные камни с арабской вязью Пушкин встречал и на Кавказе, о чем он писал в «Путешествии в Арзрум»: «За городом находится кладбище. Памятники стоят обыкновенно в столбах, украшенных каменною чалмою. Гробницы двух или трех пашей отличаются большей затейливостью, но в них нет ничего изящного, никакого вкуса, никакой мысли».⁴⁸

Описание кладбища в «Путешествии в Арзрум» реалистическое, да же натуралистическое, лишенное романтической эмоциональности.

Крым, Бахчисарай и были первой «восточной любовью» Пушкина. Именно там он увидел вочью, ощутил, прочувствовал Восток.

Поэтому можно утверждать, что строки из стихотворения «Что в имени тебе моем», и именно: «Оставит мертвый след, подобный //

Узру надписи надгробной // На непонятном языке», — почти дословно повторяют строчки из «Бахчисарайского фонтана»: «Есть надпись: Едкими годами // Еще не сгладилась она, // За чуждыми ее чертами // Журчит во мраморе вода», и это вызвано именно крымскими воспоминаниями.¹⁹

Психология художественного творчества такова, что большую силу имеют воспоминания возвышенной эмоциональной окраски, сопровождающие первое знакомство, первое впечатление. Оно не всегда самое верное, но всегда самое сильное как, скажем, первая любовь. Об этом сам Пушкин и говорит в «Отрывках из путешествия Онегина»:

Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал.
Средь пышных, опустелых зал...

ЛИТЕРАТУРА

1. Фадеева Т. М. По горному Крыму. М., 1979, С. 160—161.
2. Платонов С. Ф. Пушкин и Крым // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — Симферополь, 1928. — т. П (59). — С. 3—6.
3. Здесь и далее все ссылки (кроме специально оговоренных) на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., в 10 т. — АН СССР, 1962—1966.
4. Пушкин А. С. Письма. — М. — Л., 1926 (репринт), т. 1, С. 107.
5. Там же. С. 110.
6. Там же. С. 59.
7. Там же. С. 68.
8. Там же. С. 107.
9. Там же. С. 106—107.
10. Пушкин А. С. — т. IV. С. 193.
11. Там же. С. 193.
12. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хидже на европейское летоисчисление. — Л., 1940, С. 251.
13. Пушкин А. С. — т. IV. С. 185.
14. Энциклопедический словарь под редакцией проф. И. Е. Андреевского. — С.-Петербург, 1891. т. ПА, С. 722.
15. Герakov Г. В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям, 1820 г. и начала 1821 г. — Пгд., 1830, С. 24.
16. Тартакевская Л. «Четки мудрости золотой» // жлп «Звезда Востока». — 1978. № 6. С. 188—197.
17. Пушкин А. С. Письма. — т. I с. 58.
18. Вяземский П. А. Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова. // Пушкин. Бахчисарайский фонтан. — М., 1824. С. XIII—XIV.
19. Гроссман А. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы. — М. — Л., АН СССР, 1960, т. III, С. 77.

20. **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие по Тавриде в 1820 году.— Спб. 1823, с. III.
21. **Гроссман А. П.** У истоков «Бахчисарайского фонтана». С. — 79.
22. **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие... С. 108—109. С. 573.
23. Там же. С. III.
24. Там же. С. 118.
25. **Гериков Г. В.** Продолжение путевых записок... С. 22.
26. Советский Энциклопедический Словарь (СЭС) — М., 1980, с. — 1043.
27. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова.—СПб., 1910. С 573
28. **Пушкин А. С.** Письма... С. 58.
29. Там же. С. 283.
30. Там же. С. 107.
31. Там же. С. 110.
32. **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие.. С. 118.
33. **Кравен Э.** Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. — М., 1795. С. 290.
34. **Паллас П.** Путешествие по Крыму академика Палласа // ЗООИД — Одесса, 1881, т. XII, 'С, 79.
35. Там же. С. 78.
36. **Сумароков П. И.** Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. Павлом Сумароковым. — М., 1800. С. Павлом Сумароковым. — М., 1800. С.
37. **Пассек В.** Очерки России, — Спб., 1838, ч. П, С, 164—165
38. **Шишкин О.** Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. — Спб., 1848, ч. П, С, 88.
39. Там же. С. 89.
40. **Горчакова Е.** Воспоминание о Крыме кн. Е. Г-й.—М., 1881, С. 76
41. **Пушкин А. С.** Т. Ш, С. 531.
42. **Эссад Д.** Константинополь. — М., 1919, С. 261.
43. **Пушкин А. С.** Т. Ш, С. 394.
44. **Эссад Д.** Константинополь. — С. 261.
45. **Пушкин А. С.** Т. Ш, С. 394.
46. **Пушкин А. С.** Т. IV, С. 175
47. **Пушкин А. С.** Т. Ш, С. 192.
48. **Пушкин А. С.** Т. VI, С. 693.
49. **Бронштейн А. И.** О некоторых восточных мотивах в творчестве А. С. Пушкина // П. Крымские пушкинские чтения; тез. докл.—Симферополь, 1993, С. 11—12.

К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае

(Из новых разысканий)

В 1824 году была напечатана поэма «Бахчисарайский фонтан», которую современники связывали с поездкой поэта по Крыму. Благодаря легкому пушкинскому перу романтическая легенда о пленной польке стала очень популярной. Бахчисарай виделся читателям пышной резиденцией восточного владыки, где томилась прекрасная княжна. Поэт запомнил город иным: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его.. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевают, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. ~~№№~~ почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище..»

В сохранившемся черновом варианте письма А. А. Дельвигу поэт отмечал: «Я слышал о фонтане Керим-Гирея» (в окончательном варианте — «я прежде слышал о старинном памятнике влюбленного хана»). Несмотря на лихорадку, поэт внимательно рассмотрел фонтан, запомнил детали. В поэме дано довольно точное описание памятника: «мраморный фонтан», «над ним крестом осемена магометанская луна», «есть надпись — едкими годами еще не сгладилась она», «журчит во мраморе вода и каплет холодными слезами». В письме эта деталь также отмечена: «из заржавой железной трубки по каплям падала вода» (в черновом варианте — из него (фонтана. — Е. А.] капало»).

А вот о мавзолее пленницы, «памятнике ханской любовницы» (в черновике — «памятнике Потоцкой») Пушкин, по-видимому, не знал до посещения Бахчисараея. Может быть, поэтому «об нем не вспомнил, когда писал свою поэму».

Таким образом, подробно легенду о возлюбленной хана автор «Бахчисарайского фонтана» мог услышать уже во дворце.

Показать гостям ханскую резиденцию, кладбище и мавзолеей мог только человек, хорошо знакомый с Бахчисараем. Более других на роль проводника подходил смотритель дворца, который по долгу службы обязан был знать историю ханов. Однако ни Г. В. Гераков, путешествовавший по Крыму одновременно с Раевскими и Пушкиным, ни И. М. Муравьев-

Апостол, посетивший Тавриду позже, глубокой осенью, не упоминают о смотрителе. Петербургских гостей встречал, устраивал на ночлег и знакомил с дворцом бахчисарайский полицмейстер Ананьич.

Документы Центрального государственного архива Крыма помогают понять это противоречие. Смотритель дворца капитан Федор Геннинг, «быв долговременно одержим тяжелою болезнью», скончался 7 июня 1820 года. Полицмейстер Ананьич был назначен на должность смотрителя 17 июня 1820 года. Очевидно, такая спешка объяснялась упадком дел и плачевным состоянием построек. Срочно требовался начальник, который мог организовать ремонт и сохранение дворца. Следовательно, Ананьич одновременно выполнял обязанности полицмейстера и смотрителя, а значит, должен был принять гостей и показать дворец. Следует учитывать также, что генерал от инфантерии Н. Н. Раевский был известным человеком и высокопоставленным военачальником. По «Табели о рангах» он имел чин II класса, тогда как Таврический губернатор, А. И. Баранов — только IV класса. Честь встретить столь высокого гостя могла быть оказана не всякому. Ананьич же был крупным чиновником городской администрации и дворянином, чья фамилия занесена в «Книгу дворянских родов Таврической губернии». Таким образом, именно он мог рассказать поэту легенду о любви Крым-Гирея, а также показать мавзолей.

Материалы Центрального государственного архива Крыма помогли восстановить биографию этого человека, о котором до сих пор практически ничего не известно пушкинистам. В 1820 году ему был 41 год. Согласно «формулярному списку о службе и достоинстве бахчисарайского полицмейстера титулярного советника и кавалера Ивана Давидовича Ананича (Ананьича)», происходил он из «вольно-определяющихся». «По выходе из народного училища вступил в штатскую службу в бывшую Брацлавскую вторую комиссию канцеляристом 1795 года. В оной произведен губернским регистратором 1796 (года). Из оной комиссии по открытии Брацлавской губернии переведен в Брацлавскую казенную палату 1796 (года). За упразднением оной губернии определен в Винницкий нижний земский суд Подольской губернии 1797. Оттоле Высочайшим приказом определен в Егерский полк аудитором 1800. По прошению его для определения к статским делам от полку уволен 1809 (года). Определен в город Бахчисарай в должность полицмейстера 1809 сентября 29. Во время бывшей в 1812 и 1813 гг. в Крыму моровой язвы переведен был в полицмейстерскую должность в г. Карасубазаре,

который очень был заразительным чумою.., и находился там до совершенного прекращения той язвы.., за что удостоился получить Высочайшее Его Императорского Величества благоволение». «В походах и против неприятеля сражениях был... (1807 года) 27, 28, 29 апреля при разорении турецкой Анапской крепости, того года мая 1-го при отражении от той крепости напавших на передовые посты абозинцев, а по вступлении из Анапы при истреблении жилищ закубанских сапсугов и натахайцев и при делании тем народам за злодеяния их репрессий».

И. Д. Ананич, как показывают документы, был рачительным хозяином, аккуратным чиновником. В «Деле о Бахчисарайском казенном дворце» сохранилось немало докладных записок, рапортов, депеш, отправленных И. Д. Ананичем губернатору. Смотритель докладывал о состоянии дворца, о проведенных работах. Служба его была нелегкой: сумма, отводимая на содержание дворца, была мала, и, по-видимому, выплачивалась нерегулярно. Постройки находились в столь плачевном состоянии, что требовался постоянный ремонт, чтобы уберечь их от окончательного разрушения.

И. Д. Ананич, по-видимому, был первым смотрителем, предпринимавшим попытки изучения истории дворца крымских ханов. И. М. Муравьев-Апостол отмечал, что «переводом надписей во дворце обязан г-ну Ананьичу... он для сего употребил одного муллу». На ханском кладбище путешественники могли увидеть «две подобные друг другу ротонды с куполами. В них без порядку рассеяны по полу деревянные пустые гробы, означающие места, где сокрыт прах Гиреев... Над некоторыми (гробами.—Е, А, J) ярлыки на русском языке с именами лежащих под ними: и этим мы обязаны единственно старанию нынешнего бахчисарайского полицмейстера г. Ананьича».

В подчинении И. Д. Ананича находилась инвалидная команда, охранявшая бывшую ханскую резиденцию. Согласно «Именному списку инвалидной команды» от 11 июля 1820 года «состояли при дворце налицо»: 1. Унтер-офицер Прохор Матвеев. Рядовые: 2. Николай Соколов, 3. Миней Герасимов, 4. Иван Савченков, 5. Григорий Каун, 6. Пантелей Шевченков, 7. Иван Лепехин, 8. Сергей Гусев, 9. Емельян Петров, 10. Савелий Алексеев, 11. Иван Парфенов. Двенадцатый солдат команды, Иван Харченко, был болен и находился в симферопольском госпитале.

Помимо охраны, по штату при дворце состояли садовник и фонтанщик.

Кроме дворцовых служителей, в подчинении у Ананича

находился немногочисленный полицейский аппарат города. В 1820 году в бахчисарайской полиции служили: 1. «Частный пристав, губернский секретарь Константин Иванов, сын Сарглы Янакиев, 35 лет, греческой нации, из обер-сфидерских детей». Служил в Евпатории, «определен по прошению его в город Бахчисарай частным приставом 1814 года июня 4-го (числа)». 2. «Частный пристав, коллежский регистратор Кирилл Спиридонов, сын Георгиев, от роду ему 26 лет. Сын обер-офицера». Службу начинал в Феодосии и Симферополе. «В бахчисарайскую градскую полицию определен частным приставом 1819 (года) апреля 14 (числа)». 3. «Письмоводитель, коллежский регистратор Марко Спиридонов, сын Анвазов, от роду ему 34 года, из мариупольских греков».

Г. В. Гераков посетил Бахчисарай позже Пушкина и Раевских, 19 сентября. В своих «Путевых записках...» он писал: «Почти в три часа пополудни приехал в Бахчисарай... Прямо въехал в бывший ханский дворец. Городничий, или полицмейстер, Ананьич, приготовля для меня покои во дворце по приказанию губернатора, был в отъезде на свои недавно купленные хутора, я, за учтивостью его ко мне, просил ехать, и остался на руках частного пристава, грека Константина Ивановича, который водил меня по дворцу...»

Как показывают документы ЦГАК, имение И. Д. Ананича находилось «Симферопольского уезда при деревне Калантае».

О приезде генерала Н. Н. Раевского И. Д. Ананич, очевидно, был извещен заранее. Поэтому, вероятно, он находился в городе и лично показал гостям дворец. Если полицмейстера не было в Бахчисарае, встретить гостей должен был частный пристав К. И. Сарглы Янакиев, потому что другой пристав, К. С. Георгиев, служил в городе всего год и, следовательно, недостаточно хорошо знал историю и легенды ханской столицы.

Пушкин и его спутники прибыли в Бахчисарай 7 сентября, переночевали в городе и 8 сентября уехали в Симферополь.

Бахчисарай, по отзывам современников, был маленьким провинциальным городком. «Жителей обоего пола около 11 тысяч. Строения азиатские, более лавок, нежели домов». И только разрушающийся дворец напоминал о былом величии ханской столицы. По всей видимости, в городе не было ни гостиницы, ни хорошего европейского дома, где могли бы остановиться на ночлег высокие гости. Единственным подходящим для отдыха местом был ханский дворец.

Г. В. Гераков свидетельствует: «Тут во дворце подле бывшей спальни Великия Екатерины II был назначен мой ночлег..»

Голод заставил войти в свою комнату: все чисто, ибо губернатор, на турецкий вкус, покрыл диван новым ситцем в эси большой комнате...»

И. М. Муравьев-Апостол также остановился во дворце: «... в вечеру подъехал к Бахчисараю... Солнце давно уже не было видно за горами и сумрак начинал сгущаться, когда я вступил на первый двор сарая. Это не помешало мне пробежать по теремам и дворам таврической Алабтры».

Таким образом, комната для путешественников находилась во дворце, в императорском флигеле.

Согласно «Описи бахчисарайского казенного дворца» от 30 июля 1820 года бывшие покои Екатерины II состояли из 13 комнат: «коридор, ведущий в императрицын флигель», «азиатская комната» перед императорскими покоями», «комната перед спальней императрицы», «уборная спальня императрицы», «при спальне гардеробная комната», «зала столовая», «проходная комната с столовой в решеточную беседку», «решеточная беседка», «проходная в ванную комнату», «от столовой залы буфет», «проходная комната в большую кухню», «комната, в оной купальная ванна», «комната, проходная в решеточный коридор» (порядок комнат соответствует указанному в «Описи»).

Где же останавливались гости? Г. В. Гераков отмечал, что вечером «поставили две свечи восковые на стол, осветили другую комнату и лестницу». Следовательно, комната, предназначенная приезжим, была первой во флигеле, у коридора, ведущего в другие помещения дворца, и соединялась с комнатой, также не принадлежавшей к личным покоям императрицы (гостей, естественно, не могли поместить там, где останавливалась Екатерина II).

Итак, в распоряжении путешественников, посетивших дворец, были: «Коридор, ведущий в императорский флигель, пол выслан ветхой рогожей, в нем висящая люстра с 6-тью подсвечниками, внизу украшений разбито — 1, одиноких европейских окошек — 5, двойных азиатских — 5, разбито азиатских стекол — 5.

Рогожи на полу ветхие, рамы в окошках сгнили, штукатурка на стенах потрескалась, требует поправки, и лестница переделки.

Входя в императрицын флигель, в азиатской комнате пол выслан рогожей, в ней дивана — 2, тюфяков — 2, покрыты красным, составленным с 5-ти разноцветных кусков сукном 8-мь аршин, на них подушек в лоскутьях шелковой материи — 5, окошек нижних — 4, разбитых стекол — 1, верхних двойных окошек — 3, разбитых стекол — 4, в одних дверях

замка вовсе нет, а в других нижний нарезной замок спорчен, и ключа нет.

Тюфяки и подушки съедены молью, рогожа на полу согнила, в потолке сгнившие несколько досок.

Комната перед спальней императрицыной, пол выстлан старой рогожей, в нем дощатый диван с тюфяком, набитым шерстью, покрыт зеленым сукном, составленным из двух кусков длиной 8 арш., на оном в лоскутьях полосатой шелковой материи подушек — 7, итальянского стекла окошек — 3, в них разбитых стекол — 3, в дверях замок спорчен и ключа вовсе нет.

Тюфяки, подушки и сукно при оных съедены молью, на двух стенах и на части потолка штукатурка обламывается, рогожа по полу порвалась».

Выбор места ночлега для путешественников — комната перед покоями императрицы — не случаен. Флигель Екатерины II был наиболее сохранившимся по сравнению с другими строениями дворца. Так, в первых залах дворца, «от парадной лестницы», «строение, так же штукатурка и краска повредились, требуют починки и переделки, а на диванах тюфяки, сукно и подушки вовсе ветхи и съедены молью, так же и на полу рогожи изорвались». Более половины стекол в этих залах были разбиты. Верхние покои, а также гарем почти полностью разрушились, полы и лестницы могли проломиться под ногами посетителей.

Бахчисарай, по отзывам современников поэта, был настоящим восточным городом. Поэтому единственная христианская церковь могла привлечь внимание гостей. В небольшой храм мог заглянуть и А. С. Пушкин. В 1820 году там служили: протоиерей Георгий Константинов, сын Спиранде, 44 лет, и священник Кирьяк Анабриев (?), сын Анастасиев, 37 лет, а также указные пономари Константин Васильев, сын Федоров, 24 лет, и Дмитрий Георгиев, сын Спиранде, 17 лет.

Бахчисарай навсегда остался в памяти поэта. И хотя Пушкину не суждено было вернуться в Тавриду, крымские впечатления дали начало многим произведениям поэта.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 16 т.—АН СССР, 1937—1949.
2. Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям.— Петроград, 1828.
3. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.— СПб., 1823.
4. ЦГАК, ф. 26, оп. 1, д. 4967.
5. ЦГАК, ф. 49, оп. 1, д. 6598.
6. ЦГАК, ф. 49, оп. 1, д. 5502.
7. ЦГАК, ф. 27, оп. 1, д. 1986.
8. ЦГАК, ф. 118, оп. 1, д. 5595.

И. К. Павлова
(Санкт-Петербург)

Семен Михайлович Броневский

Исследователи и знатоки исторического прошлого Крыма довольно хорошо знают имя Семена Михайловича Броневского, бывшего градоначальника Феодосии, человека удивительной и трагической судьбы. Однако мало кому известно, что он является автором рукописной книги «Историческая выписка о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами в Кавказе обитающими со времени царя Ивана Васильевича доньине», которая до сих пор остается неизданной и практически недоступной для читателей. Это оригинал, существует в единственном экземпляре и хранится в Архиве востоковедов СПб филиала Института востоковедения РАН (2).

Но прежде чем ответить на вопросы, как, когда, где и почему была написана эта книга, следует рассмотреть этапы жизни самого автора, вернее, дополнить уже известные факты из его биографии некоторыми новыми данными, обнаруженными нами в малодоступных источниках (4; 6; 12).

Семен Михайлович Броневский родился в 1763 и скончался 27 декабря 1830 г. в возрасте 67 лет. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от польского шляхтича Станислава Броневского, принявшего православие и жалованного поместьями в Смоленской губернии (1665 г.). Сведения о роде Броневских встречаются среди именитых фамилий Смоленска и Тулы, данные о нем занесены также в «Русскую родословную книгу» Лобанова-Ростовского.

Из «Заметок» его племянника мы узнаем о том, что наш автор родился в своем родовом поместье Маньково (в 40 км от Смоленска), где жила его отец Михаил Васильевич (последний имел пять сыновей и одну дочь) (4, л. 5 об.). Как и все его братья, Семен Михайлович получил военное образование. В пятнадцать лет стал «первым кадетом» только что образованного шкловского благородного училища (1778). Во время учебы он много времени уделял занятиям по истории, литературе, увлекался иностранными языками. После окончания училища Семен Михайлович в течение нескольких лет оставался инспектором классов. В эти же годы при поддержке своего покровителя и основателя училища С. Г. Зорича (последний, как известно, был флигель-адъютантом и любимцем Екатерины II. В конце жизни его доходы составляли свы-

ше полумиллиона. — И. П.) молодой Броневский много путешествовал по Кавказу. Будучи человеком любознательным и пытливым, он интересовался местными обычаями и нравами отдельных народов, записывал сведения об их историческом прошлом. Все это в дальнейшем помогло ему как при продвижении по службе, так и при написании книги, а неплохое знание европейских языков дало возможность пользоваться источниками, которые в ту пору еще не были переведены на русский язык.

В начале 90-х гг. С. М. Броневский покидает родные места и переезжает на Кавказ. Здесь он начинает служить при графе В. П. Зубове. Затем становится участником персидского похода и попадает в гущу персидско-кавказских событий (1796—97 гг.) Именно здесь из-за нехватки литературы по истории и географии Кавказа он решил начать собирать сведения об этом крае. В Предисловии к первой географической части своей книги он пишет: «... в праздные от военных занятий минуты рылся я бесполезно в книгах, не находя в них ничего нужного для познания. В то же время по знакомству моему с господами квартирмейстерами я собрал несколько замечаний о западном берегу Каспийского моря для одного любопытства, не зная к чему оне пригодятся» (2, с. IX—X).

После возвращения из похода Семен Михайлович выехал в составе константинопольской миссии для заключения конвенции между Россией и Турцией (1800). Вернувшись домой, он перешел на гражданскую службу и стал правителем при главнокомандующем русскими войсками на Кавказе князе П. Д. Цицианове. Последний, по свидетельству племянника нашего автора, «чрезвычайно любил его (т. е. Семена Михайловича. — И. П.) и жил с ним неразлучно (4, л. 52) (напомним, что резиденция П. Д. Цицианова находилась в Тифлисе).

Какое-то время Броневский оставался на этой должности и после гибели своего патрона, а затем был назначен директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел, возглавляемого тогда канцлером графом Н. П. Румянцевым. Попутно с этим Семен Михайлович продолжает собирать сведения по истории горских народов, тем более, что занимаемая им новая должность и поддержка князя А. А. Черторижского открывали ему доступ к секретным документам, хранившимся и поступавшим в Коллегию министерства иностранных дел. По словам самого автора, это позволило ему «проверять оныя (т. е. собранные им сведения.— И. П.) официальными бумагами, оттуда входящими». (2, с. XI). Несомненно, на эти годы приходится пик взлета карьеры Семена Михайловича: кроме назначения на упомянутые долж-

ности, он получает от вышестоящего начальства задание составить книгу-справочник, своего рода руководство по истории русско-кавказских отношений. Отметим, что это поручение было сделано в предельно ответственный момент: буквально перед началом или в самом начале русско-иранской войны 1804—1813 гг.

Одновременно Семен Михайлович становится членом только что утвержденного при Московском императорском университете общества истории и древностей российских, интересы которого были ему очень близки. Находясь при штабе главнокомандующего, Броневский попал в центр эпидемии, распространявшейся в то время в Грузии. Последствия ее принесли «невозвратный ущерб» для здоровья Семена Михайловича. Кроме этого, после гибели П. Д. Цицианова испортились отношения с вышестоящим начальством. Среди подчиненных ходили слухи о критике Броневским получаемых приказов. Так или иначе в 1808 г. Семен Михайлович был переведен в Крым, в захудалую Феодосию, на пост градоначальника этого города.

Переезд в Крым в значительной мере высвободил время для занятий историей. Здесь Семен Михайлович увлекся археологическими раскопками. Благодаря его стараниям в 1811 г. в городе в турецкой мечети был открыт Музей Древностей (ныне Феодосийский краеведческий музей). Для сбора материала для этого музея Семен Михайлович разослал своих представителей в другие места Крымского полуострова, дал указание чиновникам подведомственных карантинных и таможенных «способствовать различными мерами о пополнении музеума разными предметами древностей». Занимался и сам сбором античных памятников. Его племянник Дмитрий Богданович (в будущем директор Царскосельского лицея) в своих «Воспоминаниях» пишет: «В 1808 г. (осенью) приезжал из Севастополя дядя Семен Михайлович для осмотра развалин древняго Херсоня. В Феодосии тогда устраивался музей для древностей Крыма по проекту дяди моего, бывшего тогда градоначальником Феодосии. Он собирал для музея обломки древних греческих статуй» (6, с. 559). На устройство его была выделена тысяча рублей из средств городской думы. Сведения об этом музее известны также из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского и И. М. Муравьева-Апостола (9, с. 96; 11, с. 251—252).

В то же время Семен Михайлович продолжал работать над второй частью своей рукописи, проверяя каждую запись архивными документами: например, при помощи саратовского губернатора П. У. Белякова он получил для своей

книги материалы из сарептского архива, практически недоступные для других исследователей. Все это, конечно, требовало определенного времени и усилий, и поэтому книга была закончена лишь в 1816 г. Однако судьба самого автора повлияла и на судьбу книги. Отставка Броневского и последующие события в его жизни отложили публикацию книги на неопределенный срок.

А дальше дела Семена Михайловича совсем расстроились. В 1816 г. совершенно неожиданно для него «без следствия, без всякого с его стороны объяснения», он был снят с поста градоначальника Феодосии. По свидетельству его современников, главными причинами были столкновения Броневского с Новороссийским губернатором и с таможенными чиновниками: «Семен Михайлович, — читаем мы в «Заметках» его родственника, — был преисполнен правоты и не мог терпеть зла. Таможенные чиновники, по его и других мнению, позволяли себе отважные злоупотребления, он делал сильное помешательство по этому поводу, и купечеству лица, особенно греки, возстали на него в надежде чаемой подпоры в столице. В чем и не ошиблись» (4, л. 53). Ф. Ф. Вигель также говорит о непосредственном участии греков в деле Броневского: «...завершили же его падение происки греческой партии, которая и тут находится и которая клеветами своими умела очернить его в глазах всех министров». (5, с. 166).

А вскоре для его отставки представился и удобный случай. Эпидемия чумы, начавшаяся в это время в Турции, перебросилась и в Феодосию. Хотя Семен Михайлович «стоял недреманно на страже и меры, предписанные правительством, проводил в действие как надлежало» (4, л. 53), в столице его действия по предотвращению распространения болезни сочли недостаточными, и он был снят с должности.

Семен Михайлович переехал в свою усадьбу, купленную им почти сразу же после переезда в Феодосию (тогда она находилась в двух верстах от города). Участок был всего 8—9 десятин удобной земли, на котором Броневский построил небольшой домик, состоящий из 4 или 5 комнат. Уволенный в отставку «без денег и без копейки пансиона», он бедствует и в основном живет в долг. Пытаясь каким-то образом улучшить свое положение, решается продать усадьбу и ищет покупателя: «Более всего меня беспокоит, — пишет он в одном из своих писем к М. М. Сперанскому, — что я не могу продать своей дачи, хотя я назначил цену самую умеренную, то есть 35 тысяч рублей, во что мне обошлось одно строение — сад пойдет даром. До сих пор нет покупателя, а

мне нужно расплатиться в долгами».¹ (12). Вполне возможно, упомянутые враждебные группировки в городе мешали Броневскому продать имение и тем самым ставили его в еще более стесненное положение. Не случайно он был вынужден искать покупателя в другом месте. Он обращается к М. М. Сперанскому, в надежде, что тот поможет ему отыскать покупателя: «Зделайте одолжение, объявите богатым пензенским помещикам, не сыщется ли между ними охотник к теплomu климату, к морскому купанию, к винограду и к миндалю... Всякий, кто взглянет на мою дачу, увидит, что я отдаю за бесценок» (12). Усадьба так и не была продана, и Семен Михайлович оставался жить там до конца своих дней, в окружении врагов, высказывавших при встрече с ним явное презрение. Что изменило решение Броневского? Вполне возможно, его отговорили родственники, которые оказывали ему финансовую помощь (его племянник Семен Богданович пишет: «Превратность судьбы ввергла этого несравненного человека в крайности, я и братья мои помогали ему сколько могли с величайшей радостью утешить его» (4, л. 53). Все, кто посещал Семена Михайловича в его усадьбе, отзывались о нем как об «отличном человеке», «преисполненным познаниями», «честнейшим и просвещеннейшим» (5, с. 166; 7, с. 122).

В августе 1820 г. произошло знакомство Семена Михайловича с А. С. Пушкиным. Путешествуя по югу России вместе с генералом Н. Н. Раевским, Александр Сергеевич по пути из Керчи в Феодосию остановился у Броневского и пробыл там два дня (17 и 18 августа). Приезд этих людей—заслуженного генерала, знаменитого героя войны Н. Н. Раевского и молодого поэта А. С. Пушкина — в дом опального, находившегося под следствием бывшего градоначальника, явилось для него огромной моральной поддержкой. Об этом визите сообщает поэт своему брату Льву в письме от 24 сентября 1820 г. из Кишинева. В нем Пушкин отзываясь о Броневском как о человеке почтенном «по непорочной службе и по бедности» (8, с. 13). Наверняка, Пушкин осмотрел сад, где находились сооруженные из камней горки, храмики, остатки колонн паросского мрамора, услышав обо всем этом рассказы от Семена Михайловича. Вполне возможно, А. С. Пушкин полистал и рукописную книгу Броневского, к этому времени уже полностью законченную, но все еще хранившуюся у автора.

Только в 1823 г. наполовину осуществилась мечта Семена Михайловича. В издательстве Селивановского вышла первая географическая часть его труда (2 кн.), которая вызвала большой интерес у читающей публики. Выход в свет книги — факт удивительный, ведь Семен Михайлович находился еще

под следствием (Сенат за неимением достаточных доказательств прекратил его дело только год спустя, в 1824 г.). Вполне вероятно, что осуществить это издание помог ему граф и собиратель рукописей Н. П. Румянцев, возглавлявший в то время общество истории и древностей российских. Броневский, как уже упоминалось, был знаком с ним раньше и служил под его началом.

Изданная географическая часть была по достоинству оценена современниками. Положительный отзыв на нее дал А. А. Бестужев-Марлинский. Делая обзор литературы за 1823 г., он отметил и книгу С. М. Броневского: «Из оригинальных книг вышли в свет в истекшем году «Новейшие известия о Кавказе» С. Броневского. Она заслуживает внимание европейцев и особенную благодарность русских» (1, с. 113).

Кроме того, «Новейшие известия», как аргументированно доказал Л. П. Семенов, оказали определенное влияние на раннее творчество М. Ю. Лермонтова, когда тот еще сам не был знаком с этим краем. Книга С. М. Броневского открыла перед поэтом картины Кавказа, познакомила с реалиями жизни горцев, с их обычаями и традициями. Поэт использовал сведения Броневского для написания своих поэм «Измаил-бей» (1832), «Кавказский пленник» (1828) и ряда стихотворений (13, т. III, (XVI)).

К такому же мнению приходит Л. П. Семенов и в отношении влияния «Новейших известий» на цикл кавказских стихов А. С. Пушкина (14, с. 24). Изданное произведение Броневского хранилось в личной библиотеке поэта. Разрезанные и потерявшие новизну страницы книги дают нам основание предположить, что поэт неоднократно просматривал ее.

Подписчиками «Новейших известий» стали многие именитые люди того времени: Денис Давыдов, князя Волконские, Долгоруковы и др. Один из экземпляров книги был куплен библиотекой С-Петербургской Духовной академии (ныне он хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге).²

Географическая часть, изданная более 170 лет тому назад, вызывает интерес читателей и в наши дни. Это издание (1823), стереотипно перепечатанное в 1990 г. в Махачкале, моментально исчезло из продажи. Принимая во внимание популярность изданной географической части, малая осведомленность науки о второй части его книги выглядит досадным несоответствием. Рукопись Броневского «Историческая Выписка» после смерти ее автора (1830) на долгое время исчезла из поля зрения исследователей. Она была обнаружена только в конце 30-х гг. нашего века ученым Г. М. Петро-

вым в Архиве Востоковедов СПб филиала Института востоковедения (как уже упоминалось, книга хранится там и в настоящее время). Затем началась Великая Отечественная война, и вновь затерялись следы этой книги. Вторично она была обнаружена М. О. Косвеню только в 60-е гг. В данный момент мы готовим эту рукопись к изданию. Книга Броневского, построенная на архивных документах Коллегии министерства иностранных дел, представляет собой не простую сводку информации, а является самостоятельным оригинальным произведением по истории русско-турецко-кавказских отношений. Тема, поднятая в этой книге, является крайне актуальной и вызывает пристальный интерес как среди исследователей, так и среди читателей.

Последние годы жизни Семен Михайлович тяжело болел и скончался 27 декабря 1830 г. у себя в усадьбе, где и был похоронен. По словам его племянника, «он кончил жизнь свою, ускоренную сильными врагами, угнетавшими его за высказываемую всегда правду» (4, л. 53). Сообщение о его смерти было опубликовано в газете «Московские ведомости» 7 февраля 1831 г. В нем подчеркивались заслуги Семена Михайловича как на государственной службе, так и на литературном поприще. Некролог заканчивался следующей фразой: «По смерти его отыскано много любопытных записок, которые, вероятно, будут напечатаны». (10). Упоминание в «Московских ведомостях» о найденных записках Броневского, а также свидетельство А. С. Пушкина о принадлежащих ему собранных исторических сведениях о Крыме (8, т. 1, с. 13) дают нам основание предположить, что Семен Михайлович до конца своих дней продолжал собирать и обрабатывать исторические материалы в надежде, что когда-нибудь они найдут своего читателя. Однако, к сожалению архив Броневского не сохранился.³ Детей у него не было (о семейной жизни Семена Михайловича нам удалось узнать только, что он был женат на дочери актера Померанцева). После смерти Семена Михайловича усадьба была продана для уплаты долгов генералу, герою Кавказа, П. С. Котляревскому.

Это все, что нам известно о жизни С. М. Броневского, человека разностороннего и небординарного, на всех занимаемых им постах верой и правдой служившего своему Отечеству. Исследование рукописной книги «Историческая Выписка» дает нам полное право восстановить его имя среди историков—исследователей начала XIX века.

³ В Рук. Отд. Российской национальной библиотеки нами обнаружено восемь неизданных писем С. М. Броневского к М. М. Сперанскому за

1817—1819 гг. Письма в основном содержат мнения по религиозным проблемам, о своих личных делах наш автор упоминает в них очень кратко, как бы мимоходом. Анализируя упомянутые письма, можно сказать, что они написаны человеком, находящимся в довольно подавляющем состоянии. Махнув на себя рукой, он полностью доверился судьбе, предначертанной ему Богом.

² При исследовании этой изданной части книги Броневского нами была обнаружена одна неточность относительно ее авторства. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в Настольном словаре Толля, в Большой энциклопедии (1902 г.), в Энциклопедическом словаре И. Андреевского автором упомянутой книги назван не Семен Михайлович, а его племянник Семен Богданович (1786—1858). Последний, также обладавший литературными способностями, занимал пост генерал-губернатора Сибири. Он тоже в молодости бывал на Кавказе, но писать начал уже в зрелом возрасте и, не имея доступа к архивным материалам по Кавказу, никогда не касался этой темы. Высоко же ценя труд своего дяди, имел «Новейшие известия...» в своей личной библиотеке, Схожесть имени дяди и племянника и запутала издателей словарей. (См. название книги: «Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским»).

³ Архив Броневского был полностью уничтожен: часть его сгорела при пожаре городской думы в 1905 г., остальные бумаги были сожжены чиновниками при устройстве в его усадьбе санатория в 30-х гг. нашего века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. соч. т. IV, ч. 11, — СПб., 1874.
2. Броневский С. Мих. Новейшие известия о Кавказе. — М., 1823.
3. Броневский С. Мих. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Ивана Васильевича донныне // Архив Востоковедов СПб, филиала Института востоковедения РАН, разр. 2, опись 2, № 1, лл. 1 — 321 об.
4. Броневский С. Бог. Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству. Воспоминания 1786—1846 гг. — Рук. Отд. Российской нац., б-ки, СПб., Ф. 850.
5. Вигель Ф. Ф. Записки. — М., 1892—93 гг., ч. 7.
6. Воспоминания Броневского // Русская старина, 1908, т. 134, с. 537—76.
7. Гераков Г. Путевые заметки по многим российским губерниям 1820 г. — СПб., 1828.
8. Модзалевский Б. Л. Пушкин А. С. Письма. — М — Л., 1926.
9. Из воспоминаний Михайловского — Данилевского. // Русская старина, 1897, № 7.
10. Московские ведомости. № 11, 1831, 7 февраля.
11. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. — СПб., 1823.
12. Письма С. М. Броневского к М. М. Сперанскому. — Рук. Отд. Российской нац. б-ки, СПб.
13. Семенов Л. П. Лермонтов и С. М. Броневский // Ученые записки северо-осетинского гос. педагогического ин-та. — Орджоникидзе, 1942, т. III, 14. Его же. Пушкин на Кавказе. — Пятигорск, 1937.

Густав Олизар

(По материалам польских и отечественных источников)

Исследователям, в поле зрения которых входят литературные и общественные процессы в России первой половины XIX века, знакомо имя польского литератора и общественного деятеля графа Густава Олизара. Несмотря на довольно частое упоминание имени родовитого поляка, обращает на себя внимание отрывочность и односторонность сведений об этом одаренном, занимавшем видное место в русском и польском обществе первой половины прошлого столетия человеке, знакомце Пушкина и Мицкевича, Грибоедова и декабристов.

Наша статья основана на материалах польских и отечественных источников, среди которых центральное место занимает статья Болеслава Лопушанского, посвященная Густаву Олизару, из Польского биографического словаря (1, с. 808 — 810), малодоступного русскоязычному читателю.

Олизар Густав Хенрих Атаназий, псевдонимы Анастасиос, А. Филипович (1798 — 1865) — землевладелец, предводитель дворянства Киевской губернии, поэт, публицист, мемуарист. Родился 3 мая 1798 года, в Коростешове в Радомского уезда Киевской губернии, был сыном Филипа Нерюша и Людвиги из Немировичей-Щитов, младшим братом Нарциза. Олизар учился в гимназии в Житомире и в Кременецком лицее, где вместе с братом Иузефом Коженевским и Ксаверием Годабским основал литературный кружок. Прервал учение в 1814 году и уехал с больным отцом в Италию; там в возрасте восемнадцати лет женился на Каролине де Мелло, дочери итальянского аристократа, министра королевства Сардинии. После смерти отца взял в свои руки владение имуществом Коростешова. В своем доме устроил салон искусства, собирая картины многих незаурядных художников, семейные портреты королей и гетьманов, а также насчитывающую несколько тысяч томов библиотеку с многочисленными старопечатными книгами и рукописями. Занялся также интенсивно хозяйством: применял современный по тем временам севооборот и вел плановое лесное хозяйство. Кроме того, устроил и Коростешовое купальное заведение, проводящее курс водного лечения.

Благодаря своей деятельности Олизар стал популярен среди местных граждан и в 1821 году был избран предводителем дворянства Волынской губернии. Однако этот выбор не утвердил губернатор Бартоломей Гижицкий, которого смутил слишком молодой возраст Олизара. Несмотря на это, вскоре Олизар был избран предводителем дворянства Киевской губернии. Как способный администратор, избран вторично в 1823 году. Выполнял предводительские обязанности до 1826 года, вкладывая немалые собственные средства на общественные цели. Пропагандировал также проект освобождения крестьян, но не получил должной поддержки. У властей же не был в милости (во время пребывания в Петербурге царь отказал ему в аудиенции).

С самых ранних лет Олизар проявил незаурядное литературное дарование. Его талант развивался под влиянием Алозия Фелинского, с которым молодой граф столкнулся во время пребывания в Кременце и поклонником которого стал со временем. Олизар основал в Кременце «Союз объединенных друзей Фелинского» и издал произнесенную речь под заглавием: «К объединенным товарищам блаженной памяти Алозия Фелинского, директора лицея и школ Волынской губернии в день его именин 21 июня 1820 года» (Кременец, 1820). На собственные средства выпустил «Сочинения» Фелинского (Варшава, 1816, 1821). Сам тоже написал о личности Фелинского и посвятил ему стихотворение. Был также автором подобных стихотворений, посвященных Тадеушу Костюшке и Яну Каменскому, а также создателем образов Николая Коперника, Мартина Кромера и Тадеуша Чацкого. Написал, кроме того, в годы своей юности довольно много басен и стихов, выдержанных в стиле классицизма; публиковал их, в частности, в журнале «Научные упражнения», а в «Варшавском дневнике» поместил письмо на тему польской просодии. Довольно много переводил из французской литературы.

В двадцатые годы Олизар часто бывал в Варшаве в связи с хлопотами о разводе. Завязал там близкие отношения с передовыми представителями литературного мира, среди которых были Юлиан Урсин Немцевич, Кайтан Кожман, Франциск Моравский, Людвик Осинский. Вместе с ними написал коллективную поэму «Раздоры на Парнасе» (1818, второе издание—1821), которую проиллюстрировал собственными рисунками; сам же написал под их влиянием сатирические поэмы с многочисленными злободневными намеками, а также героическую поэму «Черноморский поход». Большинство

стихотворений он публиковал на страницах варшавской прессы.

В 1823 году Олизар уехал на пару лет в Крым, где приобрел имение близ Аю-дага и занялся выращиванием винограда. Этот отъезд был вызван личными переживаниями в связи с несчастной любовью к Марии Раевской, дочери русского генерала, и отказом генерала дать согласие на брак (версия о дисциплинарной ссылке Олизара в Крым не соответствует действительности). Пребывание в Крыму сыграло большую роль в его творчестве. Там он познакомился с А. Грибоедовым и А. Мицкевичем. М. В. Нечкина в книге «Грибоедов и декабристы» (2, с. 540—541) указывает, что польский граф был замешан в деле декабристов, числился в их «Алфавите». Он был дважды арестован по этому делу, но сумел уйти от следствия, не признав связей. Южные декабристы считали его членом Польского общества. По версии Нечкиной, Олизар предупредил Бестужева-Рюмина об аресте.

В отечественных источниках (2, 3, 4) со ссылкой на работу Леона Гомолицкого «Дневник пребывания Адама Мицкевича в России 1824—1829» упоминается также о том, что в июне 1825 года вилла графа Олизара, располагавшаяся на территории нынешнего Артека и носившая романтическое греческое название «Карди Ятрикон» («Лекарство сердца»), явилась местом конспиративного свидания польских патриотов и декабристов. А. Мицкевич, Г. Ржевуский, А. Грибоедов и Н. Оржицкий съехались к Олизару одновременно, к одному общему сроку. Высказывается предположение, что предмет разговора был политическим и секретным.

М. Живов отмечает, что А. Мицкевич встречался с Г. Олизаром и позднее, во время своего второго путешествия по Крыму.

Великий польский поэт упомянул о нем в крымском сонете «Аю-даг». Олизар неоднократно приводил имя Мицкевича в своих стихотворениях, выражая свое преклонение перед поэтом.

В Крыму были созданы поэмы «Святыня боли» (с возвышенными фрагментами, посвященными утраченной Родине) и «Сон», а также несколько небольших стихотворений, изданных позже в сборнике «Воспоминания» (1840), с личной и национальной тематикой, в которых проявляется сильное влияние творчества Мицкевича.

Олизар познакомился также с А. Пушкиным, который в 1824 году посвятил ему стихотворение (не законченное). Это знакомство с «первым русским поэтом» не могло остаться без внимания в русской критике.

Л. А. Черейский в словаре «Пушкин и его окружение» (5. с. 289) указывает на то, что общение польского литератора с Пушкиным относится к южному периоду жизни Александра Сергеевича. Они познакомились в доме Киевского губернатора И. Я. Бухарина (середина мая 1820, конец января — начало февраля 1821) и встречались позднее в Кишиневе (июнь 1821) и Одессе (июнь 1824). Олизар приветствовал «поэта могучего севера» в стихотворном послании «Пушкину» (на польском языке. 1821—первая половина 1822). Это стихотворение, как один из ценных документов о кишиневском периоде жизни Пушкина, подробно разбирается в советском академическом издании «Пушкин. Исследования и материалы» (6, с. 435—437).

В период исполнения своих предводительских обязанностей Олизар связал себя с масонством и был членом лож «Совершенная тайна» в Дубне и «Увенчанная добродетель»; наладил также связь с русскими оппозиционными центрами, прежде всего с Южным обществом. После восстания декабристов был 15 января 1826 года арестован и заключен в Петропавловскую крепость в Петербурге. Правда, вскоре освобожден, но опять арестован и заключен в Киеве, а оттуда перевезен в Варшаву в связи со следствием против Национального Патриотического Товарищества и его связями с русскими организациями. В этот раз его также быстро освободили. Уехал тогда на Кавказ, где написал на основе борьбы кавказских народов за свободу поэтическую повесть «Сатир». Одно из польских изданий — «
» (7, с. 530—531) дает совершенно расходящуюся с общепринятой версией о периоде с 1824 по 1827 год биографии Густава Олизара. По данным этого издания, польский граф возвратился из Крыма в свои владения на Волыни в конце 1824 года. 15 января 1825 года он был арестован; после повторного ареста и освобождения вновь уехал в свое имение в Крыму, где его посетил Адам Мицкевич. В 1827 году Густав Олизар выехал на Кавказ.

Иначе говоря, Олизар побывал в Крыму не один, как указывает большинство источников, а два раза; в перерыве между этими поездками он был дважды арестован и освобожден, причем дата первого ареста смещается ровно на год по сравнению с общепринятой (15 января 1826 года).

Нам представляется, что эта точка зрения достаточно спорная.

В 1830 году Олизар вторично женился (на Йозефе Ожаровской) и вскоре после начала ноябрьского восстания был выслан в Курск, хотя никакой политической деятельности в

связи с восстанием не развивал. В 1832 году благодаря поддержке Волынского губернатора Левашова получил освобождение и уехал на какое-то время в Италию; в Риме повторно встретился с Мицкевичем, а также с Зигмундом Красинским. В 1847 году он познакомился также в Остенде с Юлиушем Словацким, который в стихотворении под названием «К графу Олизару..» благодарил его за фигурную художественную вырезку силуэта из бумаги, в которой Олизар был мастером. После этого польский граф облизился с кругами эмигрантского монархического лагеря, в котором брат Нарциз играл ведущую роль.

Вскоре, однако, Олизар возвратился на родину, чтобы по-прежнему посвятить себя политической, публицистической и литературной деятельности; в своей писательской работе он затрагивает разнообразные темы. В 1836 году отправил в Петербург так называемую «Предварительную докладную записку», в которой протестовал против национальных и религиозных гонений. В 1841 году стремился ко вторичному избранию на должность предводителя дворянства Киевской губернии, надеясь при помощи партии генерала Димитра Злотницкого свергнуть исполнявшего эти обязанности Генриха Тышкевича. Эти планы ему не удалось реализовать, получил только должность так называемого честного судьи. В 1848 году Густав Олизар опубликовал в форме брошюры открытое письмо к Народному Собранию во Франкфурте, а в 1852 году вернулся к прежнему проекту освобождения крестьян, который изложил вместе с проектом основания банка в специальной докладной записке, посланной лично Николаю I. На темы общественно-политические, в том числе на тему раскрепощения, он писал также под псевдонимом Анастасиос. Насущные же дела крестьян затрагивал в популярных статьях из цикла «Рассказы Пана Яцка», помещенных под псевдонимом А. Филипович в «Петербургском Еженедельнике» (1852—1853). Высказывался также против пьянства. В 1841 году завязал отношения с основанным Иозефом Игнацием Крашевским в Вильно журналом, в котором опубликовал поэму «Паломники», а в 1842 году опубликовал под псевдонимом А. Филипович нашумевшее полемическое произведение «Помешательство Яроша Бейлы», в котором остро раскритиковал Генриха Ржевуского за его лояльные и крайне консервативные взгляды, выраженные в «Смешении нравов Яроша Бейлы». Независимо от этого критиковал Ржевуского и в других публикациях. Публиковал свои работы также за границей, как, например, «Почтение соотечественникам на родине и за границей» (Париж, 1847).

В 1857 году Олизар завязал отношения с варшавским «Музыкальным движением». Это способствовало близким отношениям со Станиславом Монюшкой, который приходился Густаву Олизару дальним родственником; переложил на итальянский язык либретто к его «Гальке», а также уговаривал — безрезультатно — написать оперу «Ванда» по своему либретто (по данным польского издания опера была написана). Из деятельности Олизара в области музыки заслуживают также внимания слова к композиции Каземира Любомирского.

Продолжил, наконец, Олизар и переводческую деятельность. Перевел, в частности, «Исповедь св. Августина» и трагедию «Фехтовальщик из Ровена» Ф. Хальма. Олизар приписывается также изданный анонимно сборник религиозно-патриотических стихотворений «Песнь песней» (Лейпциг, 1857, второе издание — Брюссель, 1862), несмотря на то, что Эстрейхер считал автором этого произведения его брата Нарциза; приписываемую также Густаву Олизару комедию в одном акте «Болтовня за чаем у пани Нудальской» (Вильно, 1859). Гюсмертно вышли «Мемуары» Олизара (Львов, 1892), которые он вел до 1823 года. Рукописи поэзии Олизара находятся в Ягеллонской библиотеке и в Оссолиениум, рукопись «Мемуаров» — в Национальной библиотеке в Польше.

Густав Олизар занимался также рисунком и скульптурой.

В последние годы жизни он передал имение в руки сына Карола, сам же большую часть времени проводил в Дрездене, где у него был роскошный дворец, и держал вместе с женой открытой дом (посредничал, в частности, в получении саксонского паспорта для Крашевского).

Граф Густав Олизар умер в Дрездене 2 января 1865 года, был похоронен на католическом кладбище на Фридрихштрассе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Польский биографический словарь. — Вроцаев, 1978, т. 23 (на польском яз.)
2. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. — М., 1977.
3. Живов М. А. Адам Мицкевич. — М., 1956.
4. Мещеряков В. П. Замыслы беспредельные // Слово Тавриды. — 1993. — № 02 (03).
5. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л., 1975.
6. Пушкин. Исследования и материалы. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1956—Т. I.

В. П. Казарин

ИЗ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ ПУШКИНЫМ СТИХОТВОРЕНИЯ «БУРЯ»

В 1825 г. в Михайловском Пушкин написал стихотворение «Буря». Напомню его читателям:

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури.
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

(II, 443)*

Пушкинисты и краеведы всегда ощущали в этом стихотворении следы путешествия поэта по Тавриде в 1820 г. «Бурю» неизменно относили к кругу «крымской» лирики Пушкина (Маркевич — 1899, с. 51; Петухов — 1927, с. 10; Недзельский—1929, с. 72). Два обстоятельства априорно говорили в пользу такого решения. Во-первых, именно в Михайловском, где была написана «Буря», в сознании поэта вновь оживают впечатления от «волшебного края», и он создает целый ряд несомненно связанных с Крымом стихов: «О дева-роза, я в оковах...», «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Чадаеву» («К чему холодные сомненья?»), «Блестит луна, недвижно море спит...» и др.

Во-вторых, в самом стихотворении «Буря» легко «читаются» крымские реалии: скала, море, буря, дева. Это явно не холодная Балтика, не песчаный Азов или Тамань, не равнинная Одесса. Это, конечно, скалистый Южный берег Крыма. Лирика Пушкина всегда принципиально биографична. Та же элегия «Погасло дневное светило...» отражает, помимо всего прочего, реальные впечатления от морского перехода на парусном корабле из Феодосии в Гурзуф. Исследователи всегда чувствовали, что какие-то действительные события лежат также и в основе замысла «Бури». Но только какие?

* Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина, с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы, даются по изданию. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — В 16-ти т. — АН СССР, 1937—1949

Думается, теперь на этот вопрос можно отчасти ответить. Работая в архиве Военно-морского флота в Ленинграде, среди разнообразных документов из фондов Черноморского флота я наткнулся на дело «Об исправлении повреждений в Севастополе, причиненных бурей 27 августа 1820 г.» (ЦГА ВМФ, д. 1280). Пушкин в Севастополе, как известно, не был. Но т. к. речь шла о каких-то событиях в тот период, когда поэт находился в Крыму, я заказал это дело. И не пожалел!

Оказывается, 27 августа (8 сентября по н. ст.) 1820 г. во второй половине дня на Севастополь обрушилась необыкновенной силы буря, которая сопровождалась береговым тифоном (воздушным насосом). Буря унесла жизни 6 человек, 21 попали с ранениями в госпиталь, городу и порту был нанесен ущерб на 50.000 рублей (одного стекла было перебито на 5.000, а черепицы — на 10.000 рублей).

Очень выразительно и точно, с рядом важных для нас подробностей, об этом происшествии рассказывается в «Кратком описании действия, произведенного в Севастополе громовыми ударами», которое Севастопольский флотский начальник контр-адмирал Ф. Т. Быченский 1-й направил 1 декабря 1820 г. Главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу А. С. Грейгу (ЦГА ВМФ, д. 1280, л. 60—70).

Приведем необходимые цитаты из этого официального документа: «До 27-го августа 1820 года в Севастополе и в окрестности оного продолжались сильные жары. По Реомюровому термометру от 24 до 26 градусов теплоты (30—33 градуса по Цельсию, и это, естественно, в тени, что же творилось на солнцепеке?!— В. К.), Около двух месяцев не было ни одного дождя».

Донесение Ф. Т. Быченского 1-го полностью согласуется со сведениями других источников. Так, о двухмесячной засухе, прерванной на два дня (13—14 августа) дождем и штормом, пишет в «Путевых записках» по прибытии в Тамань Г. В. Гераков (Гераков—1828, с. 113—114, 117).

К 27 августа Пушкин уже 8 дней находится в Гурзуфе. Можно себе представить, какие купания в теплом море устраивала, спасаясь от жары, молодежь — четыре сестры Равевские, их брат Николай и поэт, которому три месяца назад исполнился 21 год. Какое изобилие фруктов было в орошаемых садах Южного берега (ведь по новому стилю это была первая декада сентября)! И как мало располагал раскаленный безоблачный небосклон к каким-либо (верховым или пешим) путешествиям по окрестностям. Все это нашло самое буквальное отражение в письмах самого поэта: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом (курсив

Пушкина. — В. К.)...» (XIII, 251)

Продолжим чтение донесения: «27-го августа поутру дули ветры, то восточный, то юго-восточный, тихие; потом при облачной погоде средние. В воздухе теплота была ощутительная. В 9-м часу до полудня на северо-западной стороне в горизонте моря видны были дождевые тучи, сверкающая молния и слышны были глухие громовые удары. В полдень ветер продолжался тот же и переменяющийся; но в то же время в юго-западной и северо-западной стороне видна была в горизонте моря буря при сильном ветре от стороны юго-востока».

Обитатели Гурзуфа, таким образом, получили 27 августа с утра передышку от неистового зноя последних недель. Воздух был теплый, но все усиливающийся ветер, конечно, принесил какое-то облегчение. К Севастополю буря приближалась со стороны Одессы. В Гурзуфе ее видеть не могли, т. к. побережье закрывает горная гряда, но приближающаяся перемена погоды, несомненно, чувствовалась.

Читаем далее: «В половине 4-го часа при жестоком ветре от юга вдруг весь горизонт помрачился, пошел проливной дождь с градом, довольно крупным, сопровождаемый сильными громовыми ударами и молнией».

С этого момента обитатели Гурзуфа могли наблюдать бурю, надвинувшуюся на Севастополь, т. к. она пришла с юга и, несомненно, закрывала весь горизонт над морской гладью. Поэтому многое из того, что описывает контр-адмирал Ф. Т. Быченский 1-й, поэт и его друзья могли видеть с вершины одной из гурзуфских скал (или даже просто из окон дома Рিশелье, в котором они расположились), так же как севастопольцы позднее до 11 часа ночи наблюдали удалявшуюся на восток и продолжавшую бушевать бурю.

«В половине 5-го часа ветер продолжался во всей силе от юга, и при сильных густых черных тучах, обращающихся, движущихся в различные и даже противные стороны, увеличились дождь, гром и молния. С тем вместе явился и тифон, или водяной столб, от юго-запада, при собственном своем ветре или вихре. Сие страшное явление стремлением своим противодействовало всем ветрам, которые были в ужасном волнении без всякого определения. Словом, все ужасало не токмо людей, но и самую природу! В одно время гром гремел с большим треском, повторялись удар за ударом, и так, что гул одного удара не проходил, как другой с большим ужасом гремел; казалось, что многие громы происходили от одного облака и в одном месте. В 8 минут более 70 самых сильных ударов громовых раздалось над Севастополем, и из

них действительных и замеченных по несчастному действию их на город в разных местах было 16. В то же время молния, беспрерывно сверкая, освещала и самый день».

В принципе, уже эта картина, которую поэт сначала мог наблюдать издали, имеет целый ряд несомненных параллелей со стихотворением «Буря»: море, которое, бушуя, играет с берегами; луч молний, озаряющий героиню всечасно блеском алым; ветер, который бьется и летает. Кстати, в последнем случае в пушкинском стихотворении сначала было «ветер воил» (в значении «выл») (11, 975. XI 149), т. е. появлялась еще одна деталь из описания Ф. Т. Быченского 1-го: необыкновенный грохот, сопровождавший бурю.

Но есть одно обстоятельство в стихотворении «Буря», которое заставляет думать, что оно отражает впечатления не наблюдателя за ненастьем, разыгравшимся в стороне, а человека, сказавшегося в центре свирепой стихии. В пушкинском стихотворении все описанное происходит не днем, а «в бурной мгле», т. е. ночью, когда буря, покинув Севастополь, добралась до Гурзуфа.

Достаточно подробно рассказывается в «Кратком описании» о тифоне (устаревшее название смерча, тайфуна), редком для Крыма и Черного моря явлении: «В то же время тифон, сей страшный феномен, приводил всех в трепет. Он собственно собою производил шум острый, похожий на отголосок стуку металлического с визгом. Но сей шум, соединясь с треском пагубного его действия над строением, с которого срывал черепицу, камни, лес и все, что встречалось, принимая к себе и вознося на воздух, производил страшный вид и слух. А все это, соединясь с громовыми ударами, молнией и черными тучами, кипящими в воздухе, представляло как будто бы изменяющуюся природу».

Тифон отнес на «довольное» расстояние будку с часовым, подхватил на воде 14-весельный катер с людьми и перенес его по воздуху на середину бухты, из воды выбрасывал на берег камни весом до 650 кг, всасывал морскую воду на высоту до 10 м и выгонял ее на берег на 20 м, вырвал с корнями до 50 молодых дубов, рушил стены толщиной до 90 см, срывал и скатывал верхний слой земли.

Даже разрушившись, тифон напоминал о себе жителям города совершенно необыкновенными явлениями: «После сего ужасного феномена Севастополь наполнен был крепким серным смоляным запахом, продолжающимся некоторое время. Атмосфера была густа. Воздух столь наполнен был электрическою силою, что люди чувствовали ненатуральное испарение и во всем теле какую-то слабость».

К счастью, тифон, диаметр которого составлял 60 м (1), миновал центр города и рейдовую бухту, в которой стояла вернувшаяся после летнего плавания эскадра. Страшно представить, какие бы он мог причинить Севастополю и кораблям разрушения. Явление это было уникальное, поэтому Ф. Т. Быченский 1-й подчеркивает, что «самые старые люди, в Крыму живущие, говорят, что они не запомнят и от предков своих не слышали, чтобы были когда столь ужасные гром и молния».

Стихия успокоилась так же быстро, как и налетела: «В продолжение 8 минут все прошло. Гром и молния направления имели от Севастополя на восток и непрерывное сверканье последней видно было до 11-го часа ночи. Тифон также разрушился...»

Таким образом, поздно вечером буря накрыла Гурзуф и бушевала в той самой «бурной мгле», о которой пишет Пушкин. Она еще сохраняла большую силу. Достаточно сказать, что через сутки, с 28 на 29 августа, буря достигнет, перелезав через Азов, Таганрога, где будет срывать крыши с домов, вызовет наводнение, угонит одно судно в море и три затопит. »

В целом ряде пушкинских «крымских» стихов говорится о ночных прогулках к морю. Назовем хотя бы стихотворение «Редеет облаков летучая гряда...» (1820):

Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень (...) (11, 157)

Аналогичное признание будет сделано через десять лет в восьмой главе в лирическом монологе поэта о своей Музе.

Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской (...)
(VI, 166—167)

Можно привести некоторые другие примеры. На фоне той изнуряющей жары, которая стояла в тот год, такие ночные прогулки были даже неизбежны: днем спасались от зноя за толстыми стенами дома Рижелье, ночью, когда приходила прохлада, отдыхали под звездным небом. Те же морские купания могли организовываться по ночам или ранним утром (последнее предположение подтверждается творческой историей стихотворения «Нереида»).

Такой ночной образ жизни, конечно же, благоприятствовал разного рода встречам и свиданиям. 27 августа 1820 г. во время очередной прогулки (или свидания) Пушкина и его

спутницу (а может быть и спутников) как раз и захватила приближавшаяся в течение дня буря.

Последующие два дня путешественники, видимо, провели в доме за разговорами и чтением книг, поскольку, как докладывал Ф. Т. Быченский 1-й, «28-го и 29-го числ августа погода была пасмурная, довольно прохладная, с западным и северо-западным ветрами, тихими».

Пять лет спустя в Михайловском воспоминание об этом происшествии подарило нам стихотворение «Буря».

ЛИТЕРАТУРА

Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям: 1820. — Петроград, 1828.

Марков А. И. А. С. Пушкин и Крым. — ИТУАК. — Вып. 30. — Симферополь, 1899.

Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму. — Симферополь, 1929.

Петухов Е. В. Крым и русская литература. — Симферополь, 1927. ЦГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1280.

Анекдот в пушкинской «Сказке о золотом петушке»

Среди загадок пушкинского сказочного творчества обращает на себя внимание маленькая, но существенная деталь: петушинный крик в «Сказке о золотом петушке»:

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!» (1)

Поскольку при создании сказки Пушкин обращался к «Сказкам Альгамбры» В. Ирвинга (в библиотеке поэта был двухтомник, изданный на французском языке в Париже), логично предположить, что столь непривычная для русского уха форма петушиного крика восходит к французской транскрипции. Однако во французском тексте «Легенды об арабском звездочете», который приводится в статье А. А. Ахматовой «Последняя сказка Пушкина», используются только описательные обороты типа «петух принимался кричать» (2). К сожалению, даже В. Непомнящий, специально исследовавший вопрос о «вещей птице» в пушкинской сказке (3), не обратил внимания на «национальность» золотого петушка. Мы выяснили, что ни французские, ни английские, ни немецкие, как, впрочем, и русские петухи не возвещают приход солнца криком «кири-ку-ку».

Можно предположить, что Пушкин «изобрел» необычную форму петушиного крика ради поэтического эффекта. Действительно, в строке «И кричит: «Кири-ку-ку» благодаря ассонансу и аллитерации (И-К-Р-И-К-И-Р-И) мы наблюдаем мощный эвфонический эффект, который уже сам по себе оправдывает новацию. Однако есть основания считать, что этим дело не исчерпывается.

В «Застольных рассказах» (Table talk) встречается текст, содержащий точно такую же формулу: «кири куку». Это исторический анекдот о светлейшем князе Потемкине: «Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню***. Добившись свидания и находясь с ней наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини***, человек острый и

безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожав плечами: «экое кири куку!» (4).

Петушиный подвиг светлейшего князя и его победное «кири куку» (пушечная пальба) как нельзя лучше перекликаются с пушкинской фразой «Царствуй, лежа на боку», вымаранной цензором Никитенко, и самой фигурой царя Дадона, выполненной в иронических тонах. По мнению Анны Ахматовой, за этой фигурой кроются «намекы памфлетного характера» на венценосных недоброжелателей поэта — Александра I и Николая I (5).

Современники Пушкина дружно отмечали пристрастие поэта к историческому анекдоту, под которым в те времена подразумевали краткий остроумный рассказ, характеризующий лицо историческое и сообщающий об эпизоде невымышленном, основанном на преданиях или исторических документах. «Его голова была наполнена характеристическими анекдотами всех знаменитых лиц последнего столетия» — свидетельствовал Н. М. Смирнов. «Два дня тому назад мы провели очаровательный вечер. Пушкин рассказывал анекдоты...» — сообщал А. Тургенев о событии, имевшем место незадолго до гибели поэта в 1837 году. Как известно, Пушкин записывал анекдоты и складывал в пачку, которой дал название «Table Talk» (6). Творческое сознание Пушкина обладало уникальным свойством актуализации исторического предания или факта: они легко соединялись с сиюминутной ситуацией (бытовой или творческой), вскрывая ее эстетический (чаще всего иронический или сатирический) подтекст. В качестве примера можно привести случай на обеде у Смирдина, описанный в «Рассказах о Пушкине» Н. Н. Терпигорева: «Писатель Семенов за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин визави с ним; к концу обеда П., обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе»... Греч зааплодировал, а все мы расхохотались» (7). Чтобы постичь глубину иронии и остроумия Пушкина, надобно припомнить, что на Голгофе Христос висел между двумя разбойниками.

Использование анекдота в тексте «простонародной» сказки, безусловно, углубляло и усиливало ее сатирический подтекст. Куртуазные подвиги августейших и светлейших особ (а предания века минувшего были переполнены ими) прекрасно накладывались на образ дряхлого, но сладострастного царя Дадона, который ради старческих утех на «парчовой кровати» забывает и смерть детей, и о своем царском слове. Резюмируя, скажем, что анекдотическая ситуация порождает аллюзии, благодаря которым «семантическая двуплановость»

(8) становится родовым признаком пушкинской прозы и поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений, Т. 3. — М., 1954. — С. 218.
2. **Ахматова А. А.** Последняя сказка Пушкина // Сочинения. — Т. 2. Проза. Переводы. — М., 1986. — С. 8, 11.
3. **Непомнящий В.** Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. — Изд. 2-е, доп. — М., 1987. — С. 252—256.
4. **Пушкин А. С.** Указ. соч. Т. 6. — М., 1954. — С. 172.
5. **Ахматова А. А.** Указ. соч. — С. 22.
6. **Файнберг И.** Читая тетради Пушкина. — М., 1985. — С. 395.
7. Разговоры Пушкина Репринт. — М., 1991. — С. 177.
8. **Тынянов Ю.** Архаисты и новаторы. — Л., 1929. — С. 269.

СОДЕРЖАНИЕ

«Искатель новых впечатлений» В. П. КАЗАРИН, А. В. КИСЕЛЕВ, Е. В. АНДРЕЙКО «Морем отправились мы в Юрзуф...» (Конец одной загадки)	3
А. П. ЛЮСЫЙ Дом под сенью Аю-Дага	12
П. В. КОНЫКОВ Алупка, 5 сентября 1820 года (Опыт реконструкции)	18
В. П. КАЗАРИН, Е. В. АНДРЕЙКО, В. Г. ШАВШИН Пушкин в Георгиевском монастыре	24
А. И. БРОНШТЕЙН Пушкин и Бахчисарай	39
Е. В. АНДРЕЙКО К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Бахчисарае (Из новых разысканий)	51
Современники	
И. К. ПАВЛОВА Семен Михайлович Броневский	57
И. В. ПОЛЯКОВА Густав Олизар (По материалам польских и отечественных источников)	66
«В Лето не потонет строфа, слагаемая мной...»	70
В. П. КАЗАРИН Из истории написания Пушкиным стихотворения «Буря»	71
Г. А. ШАЛЮГИН Анекдот в пушкинской «Сказке о золотом петушке»	77

Крымская Академия гуманитарных наук
333000, Симферополь, Гоголя, 14
Регистрационное свидетельство КМ № 070
Подписано в печать 18.5.1995 г. Формат 60x84 1/16.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,66.
Тираж 3000 экз. Заказ № 693.
Раїтипографія Крымського комітета по печаті
334140, Белогорск, ул. Луначарского, 29